

Николай ФОМЕНКО

Николай Николаевич Фоменко родился в 1953 году в г. Россошь Воронежской области. Окончил театрально-декорационное отделение Ростовского художественного училища им. М.Б. Грекова. С 1978 года живёт в Артёмовске Донецкой области. Рассказы публиковались в журналах «Союз Писателей», «Новый мир», Esquire (Украина), «Новый журнал», «Крещатик», «Отражение» и др. Лауреат литературной премии имени О.Генри «Дары волхвов» (2011), литконкурса «Русский Stil» (2012), лонг-листер «Русской Премии» (2014). В «Волге» публиковались рассказы (2016, № 1-2 и 2017, № 9-10).

КОЛЛЕКЦИЯ

Рассказ

1.

В Алексеевск приехала семья не совсем обычная. Весь её багаж состоял в основном из книг и картин. Когда содержимое контейнеров подняли на четвёртый этаж в двухкомнатную квартиру, в ней негде было стать. Книги лежали на полу, стульях, на подоконниках, закрывая собой окна. Вдоль стен, во всех коридорах, на кухне стояли пачки связанных картин. У хозяина имущества длинные волосы, одутловатые щёки, холёный подбородок. Он заметно прихрамывал, опираясь широкой ладонью на чудную самодельную палку. Просторная рубаша и широкие брюки в полоску скрадывали большой живот. Его жена была похожа на учительницу музыки, библиотекаршу, смотрительницу музея, детскую писательницу и просто на немолодую еврейку.

На второй день он зашёл в исполком, чтобы записаться на приём к городскому начальнику.

– Ваша фамилия? – спросила секретарша, крупная женщина, похожая на породистую лошадь.

– Рылов Пётр Андреевич.

– По какому вопросу?

– По личному.

– О чём будете просить?

– Просить? Почему вы решили, что я буду просить? Дело в том, что мы с женой недавно приехали в ваш город и ещё никого здесь не знаем.

– Это не повод сразу идти к мэру.

– Мы приехали не с пустыми руками. Видите ли, у нас коллекция картин и мы привезли её в ваш город. Мы хотим здесь жить.

– Так вы по жилищному вопросу?

– В известном смысле – да. Только жильё нужно не нам, а картинам.

– Жилищными вопросами занимается жилищный отдел.

– Я хочу познакомиться с мэром.

– Мужчина, вы в своём уме. Как я ему доложу? Тут один гражданин хочет с вами познакомиться?

– Вы обязаны записать меня на приём.

– Что я обязана, я знаю лучше вас. Хорошо, сформулируйте ваш вопрос.

– По поводу размещения в городе коллекции картин.

Она записала в блокнот и, как показалось посетителю, обвела запись размашистым овалом.

Рылов возвратился домой. Вытер платком лицо в прихожей.

– Дуся, здесь можно сделать полки, – сказал он.

– Представляешь, в доме нет горячей воды. И холодной тоже, – ответила Дуся.

– Нас, кажется, об этом предупреждали.

– Я не помню.

– Зато я помню. Кажется, был разговор про воду. В Донбассе, Дусенька, с водой всегда были проблемы.

– Но это же очень неудобно. Что тебе сказали в исполкоме?

– Оказывается, у них тоже теперь мэр. В четверг у него приёмный день. Я записался. Будем надеяться, что он окажется интеллигентным человеком или, во всяком случае, хочет таким казаться. Я заметил, что люди, стремящиеся кем-то казаться, более правдоподобны. О настоящем бандите и не подумай, что он бандит, зато тот, кто хочет казаться бандитом, бандит на все сто процентов.

– Так что лучше, я что-то не поняла.

– Я сам не знаю – всё имеет обратную сторону.

– Сегодня на улице очень жарко. Я даже вспомнила Ташкент.

– Зимой, когда будет слишком холодно – ты вспомнишь Магадан.

– А ещё я могу вспомнить Кемерово, Бийск, Челябинск, Дербент.

– Ну вот, а ты жалуешься на память.

– Что мы забыли в этом Алексеевске?

– Тихий приятный город. Тебе здесь понравится.

– Для этого мне как минимум нужна вода.

– Надо спросить у соседей, как они обходятся без воды.

– Зачем?

– Может, они нас научат.

– Думаю, я не научусь жить без воды.

– Ты прекрасно понимаешь, о чём я говорю. И ещё: надо кого-то пригласить, чтоб собрали нам книжный шкаф. Как трудно начинать жизнь на новом месте.

– Впервые слышу.

– Я видел вывеску художественной мастерской. В городе есть художники, Дуся.

– Для начала мне нужна маникюрша – я обломала об книги все ногти.

Рылов заглянул в туалет.

– Здесь тоже можно сделать полки. Так, как у нас было в Бийске. Помнишь? – спросил он.

– И в Дербенте, – сказала она.

– Ну, в Дербенте вообще было шикарно. У нас там стоял Стендаль.

– Да, в Дербенте в туалете поместилась почти вся французская литература. Это был самый лучший туалет в моей жизни, а здесь даже нечем смыть унитаз, – сказала она.

– Вот бы удивились древние римляне. Как ты думаешь, что здесь было во времена Римской империи? – спросил Рылов.

– Я сварила рыбный суп.

– Ты не ответила.

– Мне трудно это представить, – сказала она.

– Мне тоже. Дуся, мы с тобой постарели – у нас кончились фантазии.

– Скоро у нас закончатся деньги.

– Деньги заканчивались много раз, – махнул рукой Рылов. – Я сейчас позвоню кому-нибудь из соседей, узнаю насчёт воды.

Рылов вышел на лестничную площадку и позвонил в самую опрятную дверь. Подождал. Позвонил в другу. И снова на звонок никто не вышел.

– Петя, люди на работе.

Он позвонил в третью дверь. Самую обшарпанную. Из двери высунулась старуха. Она, видимо, давно стояла под дверью.

– Вам кого надо? – У неё были редкие седые волосы, сквозь которые просвечивала необыкновенно розовая кожа.

– Мы ваши новые соседи. Хотели узнать насчёт воды.

Старуха молчала.

– Её каждый день не бывает? – спросил Рылов.

– А что вы хотели? – сказала старуха.

– Нам бы хотелось понять, как вы обходитесь?

– С шести до десяти, набирайте в ведро или кастрюли и пользуйтесь.

– Так всегда? – удивился Рылов.

– Может вообще не быть.

Рылов поблагодарил соседку и вернулся в квартиру. Старуха закрыла дверь, но потом открыла опять и поглядела Рылову в спину.

– Теперь понятно, почему ванна рыжего цвета – в ней постоянно держали воду, – сказал Рылов.

– Кто тебе открыл?

– Какая-то старушка.

– Ты с нею познакомился?

– Не успел. Я только спросил про воду. Воду подают вечером и надо запастись на целый день.

– Возьми мокрое полотенце и вытрись.

– Чем ты его намочила?

– Минеральной водой.

На следующий день Рылов поехал в художественную мастерскую. Троллейбусная остановка оказалась дальше. Пришлось возвращаться пешком. Это была оформительская мастерская в старом одноэтажном здании с запылёнными окнами и просевшей крышей. В первой комнате, совершенно пустой, с телефоном на стене, вокруг которого, словно огромная татуировка, были карандашные записи и рисунки, он никого не застал. Открыл следующую дверь. Но и там людей не было. Стояли большие фанерные столы, стеллаж, у стен подрамники и планшеты. На сероватом потолке салатные разводы от воды. Пришлось возвратиться и заглянуть ещё в одну дверь. Там была комната поменьше с канцелярским столом, жёлтыми шкафами. На столе закуска, висел слой табачного дыма. Три человека разговаривали. Один наклонился, видимо пряча под стол бутылку. Тот, что сидел спиной к двери, повернул голову. Под футболкой на спине выступили лопатки. Ему было неудобно так сидеть, и он повернулся вполоборота вместе со стулом.

– Что вы хотели? – спросил мужчина, прятавший бутылку.

– У вас случайно нет столяра? – спросил Рылов.

– Вам зачем?

– Мне нужно собрать книжный шкаф.

– Вообще-то у нас не столярная мастерская.

– Я подумал, что в художественной мастерской должен быть столяр.

– У нас, конечно, есть столяр.

– Да нет, Фёдорович не возьмётся, – сказал тот, что повернулся со стулом.

– Почему ты так думаешь? – спросил прятавший бутылку. – Вы зайдите в пятницу. Столяр бывает здесь по пятницам, – сказал он.

– Зачем ждать до пятницы? Неужели в городе мало столярных мастерских? – сказал третий.

– Да, – согласился Рылов. – Но, если я никого не найду, я зайду в пятницу?

– Ради бога. Договариваться будете сами.

– Спасибо, – сказал Рылов. Он попрощался и, по-королевски выбросив вперёд руку с палкой, вышел из комнаты. В последний момент ему бросился в глаза школьный глобус, стоявший высоко на шкафу. Он парил выше слоя табачного дыма, как воздушный шар над облаками. На улице Рылов пнул палкой пустую сигаретную пачку, постоял в раздумье и пошёл обратно к остановке. Над старыми домами распластались клёны. Стволы клёнов

были в узлах и наростах. Казалось, деревья росли скачками, и каждый такой скачок был в противоположную сторону.

– Застал кого-нибудь? – спросила жена.

– Я пришёл не вовремя.

– Почему?

– Застолье.

– Так рано?

– Дуся, одиннадцать часов. Если это рано, то я ничего не понимаю в художниках.

– Зачем же ты ходил?

– Я не думал, что буду добираться так долго.

Рылов переступил через книги, сел в кресло, поднял на себе рубаху и сделал в живот инъекцию инсулина.

– Представляешь, там, в мастерской, глобус. Это напомнило мне вечернюю школу. В вечерней школе, где я учился, на шкафу тоже стоял глобус, а за стеклами шкафа скелеты каких-то птиц. Может, там был скелет обыкновенной курицы. Никто ничего нам о скелетах не рассказывал. А в глобусе была дырка, поэтому он всегда стоял одной стороной, как луна. Знаешь, Дусенька, всё в моей жизни с этой самой дыркой, с изъяном, так что тоже всего не покажешь и не расскажешь.

– И я у тебя с изъяном.

– Это ещё почему?

– Ребёнка так и не родила.

– Но мы же не знаем, кто в этом виноват. И вообще, разве это можно называть виной.

– Насыпать суп?

– Тебе не кажется, что кухня здесь меньше?

– Ужасно маленькая. Натюрморт с гранатами в ней не поместится.

В четверг Рылов пришёл на приём к мэру. Людей, несмотря на лето, собралось много. Все не очень благополучные по виду. Старики, неизвестно как добравшиеся до исполкома, молодые женщины, плохо одетые, с дебильными лицами, инвалиды, люди после операций: с повязкой на глазах, с гипсом на ноге, с клапаном в горле. Стояли молча и напряжённо, с холодным отворачиванием друг к другу. Рылов подумал, что надо было попасть к мэру как-нибудь иначе. Он даже решил, что сейчас уйдёт, но его сразу пригласили в кабинет. Он узнал секретаршу. Она посмотрела на него очень приветливо, как смотрят на человека, которому только что сделали приятное. Рылов немного нервничал, поэтому ответной улыбки не вышло. Вокруг мэра сидело прилично народу. Целая свита. Руководители городских служб. Рылов как-то не ожидал этого, и смутился ещё больше. Зачем ему они все. Мэр был большой, коротко стриженный, с щетинкой седеющих усов. Он курил, стряхивая пепел в стеклянную пепельницу. Дым уплывал в приоткрытое окно.

– Садитесь. Я вас слушаю.

– Видите ли, мы с женой жили в Актюбинске, а до того в Бийске, Дербенте, вернее, сначала в Дербенте, потом Бийске и ещё в нескольких городах. Я большой любитель живописи. У нас собралась коллекция картин. Понятно, не шедевры, но всё же.

В свите была женщина, похожая на маленькую надувную лодку. Она так строго смотрела на Рылова, что он запнулся, как школьник на уроке.

– Ну и что? – сказал мэр.

– Да, что вы хотите? – поддакнули в свите.

– Мы решили переехать в Алексеевск. Мы давно мечтали поселиться в каком-нибудь небольшом тихом городе. У нас двухкомнатная квартира и она тесна для нашей коллекции, поэтому мы решили подарить картины городу.

Рылов замолчал, молчала и свита. Кто-то переглянулся. Большинство смотрело на мэра. Мэр смотрел в стол. На лице крупные складки, как траншеи.

– Какому городу? – неожиданно спросил мэр.

– Вашему.

– Нашему? Нам нужны картины? – спросил он, видимо, обращаясь к свите. У него почему-то был довольный вид, а свита, наоборот, вся напряглась и беспокойно водила глазами. – Пусть этим займётся отдел культуры, – сказал мэр и посмотрел на стройную женщину.

– Зайдёте ко мне после приёма или завтра или в любое удобное для вас время, – сказала Рылову женщина и искоса посмотрела на мэра. Мэр снова закурил. Рылов вышел в приёмную. Он ожидал другого. Не ясно чего, но другого. Он думал, что будет с мэром один на один, и они поговорят о жизни. И только потом о картинах. Было досадно. На ступенях исполкома лежали на солнце с полдюжины бродячих собак. На газонах росли голубые ели. Начиналась полуденная жара. Собаки как по команде перекочевали под деревья. В фонтане перед исполкомом зелёная вода и ржавые трубы. Голубь сел на трубу и наклонился к воде. Рылов сел на скамейку, достал из кармана конфету, потом долго и сосредоточенно складывал фантик, разворачивал и опять складывал. Вокруг ног собрались голуби. Мамаша водила маленькую девочку по гранитному парапету фонтана. Небо было по-летнему выгоревшее.

– Ну и как тебе мэр? – спросила Дуся.

– По-моему, он зоотехник.

– Ты имеешь в виду профессию?

– Нет, я имею в виду наклонности.

– И чем нам это грозит?

– Возможно, нас отбракуют или, наоборот, зачислят в элитное поголовье.

– Ты сам говоришь как зоотехник.

– Что подделаешь. Фамилия у начальницы отдела культуры – Журавлёва. И она действительно похожа на журавля. Помнишь, мы видели в Бакинском зоопарке с пучком перьев на голове?

– Что, у неё тоже перья?

– Не перья, конечно, но похоже. Кстати, возможно нам придётся пригласить её к себе.

– Сначала надо всё тут расставить.

– Завтра меня обещали познакомить со столяром.

Рылов вышел остановкой раньше. Купил в гастрономе водку и закуску. Шёл по тенистому тротуару сонной улицы. Народ наверно разъехался в отпуска, перепоручив своих кошек и попугаев одиноким соседкам. Художники были в большой комнате. Каждый что-то малевал на планшете. Молодой и длинный художник сидел за мольбертом и, откинувшись, с прищуром смотрел на холст. Рылов видел обратную сторону холста, на которой от небрежности проступил грунт. Рылов поздоровался.

– Пойдёмте, столяр в подвале, – сказал знакомый, прятаясь прошлый раз водку.

Они обошли вокруг дома. Со двора был вход в подвал. Через полчаса все сидели в комнате с глобусом. На столе были хлеб, колбаса, кабачковая икра и водка. Рылов спросил про туалет. Закрыв за собой дверь на шпингалет, огляделся. Вокруг унитаза стояли ведра с водой, висело мутное зеркало. Рылов достал шприц-ручку и, стараясь ничего не коснуться, сделал укол. Ещё через полчаса за столом уже громко говорили. У столяра были печальные глаза с коричневыми зрачками, как у рыжей козы, перебитый нос, и на правой руке не хватало двух пальцев. Живописец оказался нахалом. Он приставал со своими картинами. Выпив по две или три рюмки, пошли смотреть, что там у него.

– Могу продать эту и эту.

Потом выяснилось, что он может продать всё.

– Прилично написано, но я сейчас не покупаю, – сказал Рылов.

Несколько раз бегали за водкой. Пришли ещё двое. В комнате накурили.

По стуку палки Дуся поняла, что Рылов напился. Она бросила книжки и заторопилась в прихожую.

– Дусенька, я...

– Можешь не объяснять. Боже мой, у тебя расстёгнута ширинка.

– Что ты говоришь, Дусенька.

Наутро у Рылова было серое лицо и опухшие веки. Слезились глаза, словно в них накапали воды. Из-под одеяла торчала нога с широкой пяткой. Возле тахты лежал маленький коврик, а вокруг всё ещё громоздились стопки книг.

– Дуся.

– Что, Дуся, что, Дуся! Ты наберёшься когда-нибудь ума.

– Эти художники везде одинаковые.

– Это ты со всеми одинаково напиваешься. Что ты тягаешься с ними – ты же знаешь, что тебе нельзя пить. Сдохнешь к чёртовой матери, и что я буду делать одна в этом Алексеевске?

– Дуся, не ругайся, пожалуйста.

– Как не ругаться, объясни. Как можно не ругаться?

– Принеси мне лучше чаю.

После обеда пришёл молодой нахал. Приволок с собой две картины.

– Вчера вы их не видели, – сказал он.

– Ну, показывайте, – сказал Рылов. – Приличная живопись. Дуся, посмотри, правда, хорошо?

Дуся посмотрела, скосила глаза на мужа. Рылов сидел, оттопырив губы.

– Неплохо, – сказала Дуся.

– Покупайте, – сказал художник Саша.

– Что, обе? – спросил Рылов.

– Если хотите.

– Хотеть мало.

– Тогда одну.

– Сколько стоят ваши картины?

– Двести пятьдесят.

– Вместе?

– Почему? Одна.

– Какая именно?

– Без разницы.

– Это же много, Саша.

– Много за картину!

– Я не говорю, что картина не стоит этих денег. Просто, много для меня. Я не покупаю картины за такие деньги. Мы вообще покупаем очень редко. Чаше нам дарят.

– Знаю я, какие картины дарят.

– Вы не правы. Обычно – это хорошие картины.

– Подарить я всегда успею, – сказал Саша, заматывая картины в скатерть.

– Но у вас я купил бы вот эту. Только не за двести пятьдесят, а за сто.

Саша фыркнул и собрался уходить. Потом, вдруг, освободил от скатерти картину и поставил к стене.

– Хорошо. Только сто рублей сразу. Мне нужны деньги.

– Пятьдесят сейчас, а ещё пятьдесят через две недели.

– Ладно.

– Дусенька, дай нам пятьдесят рублей.

Саша взял деньги.

– Пусть и вторая картина побудет у вас. Мне надо сейчас в одно место.
– Саша, у нас и так тесно.
– Я вечером заберу.
– Петя, это были последние деньги.
– Что я мог поделаться, ты же сама видела. Лучше скажи – стоит она пятьдесят рублей?
– Ты же купил за сто. По-моему, парень слишком торопится, – сказала она.
– Что поделаешь. А ещё он, конечно, большой нахал, – сказал Рылов.
– И худой очень. Наверно, плохо питается, – сказала Дуся.
– Дусенька, о чём ты говоришь. Кто сейчас плохо питается. Это от нервов и нетерпения. Но как он нас нашёл?
– Значит, ты называл свой адрес. Пьёшь, а потом ничего не помнишь.
Пётр Андреевич лёг на кушетку. Жена присела рядом, положила руку на его грудь, на седые колечки волос. Не глядя на мужа, спросила:
– Это последний наш город?
– Почему ты об этом спрашиваешь? Мы же всегда принимали решения вместе. И потом: переезд никогда не был для нас самоцелью. Разве не так?
– Так. Я обратила сегодня внимание, как здесь говорят на рынке. Когда-то так разговаривала моя тётка, Роза Мироновна.
– А мне рассказывали, что нас эвакуировали из Смоленска. Всю жизнь мечтал побывать в Смоленске. Где только ни был, а в Смоленске – нет. Странно, правда?
– Не знаю.

Во вторник Рылов пошёл в исполком. Кабинет Журавлёвой был закрыт. Он заглянул в комнату напротив. За столом сидела полная озабоченная женщина. Тыкая в калькулятор, переспросила:

– Закрыто? Только что была.

Рылов извинился. Прошёлся по коридору, изучая таблички на дверях: Специалист 1к., Специалист 2к. На двери, за которой сидела озабоченная женщина, было написано: ст. бухгалтер. Он подошёл к окну. За окном верхушка берёзы. Ветер теребил мелкие листья, и в них отражалось голубое небо. А там, где небо не отражалось, листья были почти чёрные. За спиной слышались шаги. Рылов оглянулся.

– Вы ко мне? – спросила Журавлёва, отмыкая кабинет.

– Да. Я пришёл пригласить вас посмотреть нашу коллекцию.

В кабинете было пустынно и уныло, как в каком-нибудь проходном помещении. На стене одиноко висела небольшая картинка, выкрашенная в ярко-салатный цвет. Такие картины обычно пишут интеллигентные дамы на пенсии. В круглых часах отражалось окно.

– Садитесь, – сказала Журавлёва.

Рылов сел, выставив вперёд ногу, на которую хромал. На секунду оглянулся на картинку. Журавлёва открыла папку, собираясь заняться какими-то документами, но, словно вспомнив о посетителе, подняла голову.

– Ваши картины действительно хорошие? – спросила она.

– Как вам сказать? Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

– Я не могу. Сейчас не могу. Вы не возражаете, если вместо меня посмотрит наш сотрудник.

– Нет, не возражаю, но я думал, вам будет интересно.

– Мне интересно. Только дел невпроворот.

Она подняла телефонную трубку, набрала номер.

– Юра, зайди ко мне.

Вошёл Юра, уже лысеющий, но в джинсах и модной водолазке, обтянувшей круглый животик.

- Ты сейчас чем занимаешься? – спросила его Журавлёва.
- Ну, ты же сама говорила, чтобы я...
- Отложи. Вот, Пётр Андреевич передаёт городу свои картины.
- Свою коллекцию картин, – поправил Рылов.
- Надо посмотреть.
- Сейчас? – спросил Юра.
- Сейчас можно посмотреть? – спросила Журавлёва.
- Конечно, – пожал плечами Рылов.

Журавлёву Рылов повёз бы на такси. И доехал бы сам. Всё-таки те пятьдесят рублей, за картину, не были такими уж последними. Но везти на такси Юру? Интересно, он специалист 1к. или 2к., подумал Рылов и влез с Юрой в переполненный троллейбус. Юра, по-видимому, испытывал ту приятную скуку, когда ты вроде бы на работе и в то же время можешь ничего не делать. Он даже в троллейбусе, где со всех сторон толкали, зевнул и почмокал губами. В квартире Юра отказался сесть в кресло. Стоя легче бороться с сонливостью. Он положил руки на спинку кресла и приготовился смотреть картины. Рылов взял на кухне нож и разрезал бечеву на связке картин. В ней были полотна новокузнецкого художника, наминавшего братьев Ткачёвых. Рылов ценил такую живопись – не слишком суровую, но и не очень цветистую. Он считал, что она должна нравиться многим. Юра молчал. Следующими были натюрморты Крыловой – художницы из Бийска. Она писала так мягко и сама была такой мягкой, что по отношению к ней и к её живописи нельзя не испытывать умиление, как перед мордашкой ребёнка. Юра молчал. В углу стояла уже распакованная картина Нариманбекова. Это была самая дорогая картина во всей коллекции.

- Сколько на ней краски, – сказал Юра.
- Да, Нариманбеков всегда пишет пастозно, – сказал Рылов. – Это любимая картина моей жены – она обожает темпераментную живопись.

- Краски много, – повторил Юра.
- Они посмотрели ещё десяток картин. Рылову надоело молчание.
- Одним словом, вот такая живопись, – сказал он.
- Да, – сказал Юра.
- Вам понравилось, что-нибудь?
- Неплохо, – сказал Юра.
- Все эти картины мы хотим передать городу.
- Хорошо.

Пришла из магазина Дуся. Тоже спросила:

- Как вам наши картины?
- Хорошие, – сказал Юра.
- Вы с нами пообедаете?
- Спасибо, у меня много работы.
- Вы давно работаете в отделе культуры? – спросил Рылов.
- Не очень.

Юра ушёл. Рылов был в растерянности. Он так и не понял, продвинулись они в решении своей задачи или нет. Что значит этот Юра и его мнение?

- Сдержанный молодой человек, – сказала Дуся.

Рылов с озадаченным видом сидел в кресле.

- А что он мог сказать? Представь себе – человек ничего не понимает в живописи – что он может сказать? – Рылов поднял плечи, и полные щёки навалились на воротник.

- Мог сказать: «ах, как красиво».

– Так говорят женщины, а мужчины, как этот Юра, просто молчат. И правильно делают – при чём тут красиво или не красиво? Скатерть тоже может быть красивой, но это же не картина.

На следующий день Рылов снова пошёл в исполком. Журавлёва подписывала документы. Главный бухгалтер нависла над столом в ожидании. Обе посмотрели на дверь. Поздоровались. Собрав листки, бухгалтер ушла. На ней была полупрозрачная розовая кофта, сквозь которую просвечивал бюстгальтер.

– Вы? – сказала Журавлёва.

Рылов сел на тот же стул, что и вчера.

– У вас в городе кто-то есть? – спросила она.

– Нет.

– А как же вы тогда... Почему вы решили приехать именно в Алексеевск, я хотела сказать.

– Вы хотели сказать, откуда мы взяли на вашу голову.

– Почему? Ничего подобного. Был у вас Юра? Я его ещё не видела. Ему понравились картины?

– Я не знаю. Он не сказал ничего определённого.

– Это похоже на него. Не обижайтесь – сейчас мы расспросим. Юра, зайди, – сказала она по телефону.

Юра зашёл в белой футболке с эмблемой американской баскетбольной лиги.

– Ну, расскажи мне.

– Надо чтобы посмотрел кто-нибудь из наших художников, – сказал Юра.

– А твоё впечатление – какое? – спросила начальник.

– Моё хорошее.

– Зачем же нам тогда художники? – сказала Журавлёва.

– Это же больше им надо.

– Почему? Это всем должно быть интересно.

– Кто-то любит картины, кто-то нет, – сказал Юра.

– Полезно для воспитания, – сказал Рылов.

– У вас современные картины? – спросила Журавлёва.

– Современные.

– Мне больше нравятся старинные. Сейчас используют слишком много краски. Пропадает ощущение правдоподобности, что ли. Выглядит как неумелая мазня. Я не знаю, отчего так происходит, может, краски слишком дешёвые?

– Ну, не такие уж они и дешёвые. Это поверхностный взгляд на живопись, – возразил Рылов.

– Я не спорю, – сказала Журавлёва.

– Я пойду, – сказал Юра.

– Подожди. Тут весь вопрос в чём, надо подыскать помещение для картинной галереи, – сказала Журавлёва. – У вас много картин? – спросила она.

– Около двухсот.

Начальник вопросительно посмотрела на Юру. Он молчал.

– Какая нужна площадь? – спросила Журавлёва.

– Метров триста квадратных, – сказал Юра.

– Много. Ну, что же, будем искать. И не надо лишний раз ходить. Вы позвоните мне недели через две. Нет. С двадцатого я уйду в отпуск. Давайте первого августа.

Рылов склонил голову.

– Вы не расстраивайтесь, всё будет хорошо, – сказала она.

Мэр приезжал в исполком на серой волге. Машина останавливалась со стороны конференц-зала. Мэр обходил здание, поднимался по ступеням и исчезал за стеклянной дверью. Он не пользовался лифтом, потому что хотел похудеть. Последнее время у него началась одышка. Но что можно поделать с хорошим аппетитом? Не глотать же глистов. Перед входом его ждал Рылов. Рылова трудно не запомнить. Они поздоровались.

– Вы ко мне? – спросил мэр.

- Да.
- Почему не в приёмный день?
- В приёмный день у вас много народа.
- У меня каждый день много народа. Через два часа я должен быть в Донецке.

Они остановились возле лестницы. Мэр знал, что подниматься по лестнице и разговаривать он не сможет.

- Я же поручил Журавлёвой. Что-то не получается?
- Она ушла в отпуск.
- Подождите, когда выйдет. Это её вопрос. Каждый должен заниматься своим делом.
- Я подумал, что вам, может быть, будет интересно самому узнать историю.
- Какую историю?
- Как коллекция собиралась, что в ней ценного.

Мэр внимательно смотрел на Рылова, не находя слов. Потом, словно очнувшись, сказал:

– Так, – посмотрел на часы, – придите завтра часам к четырём. Если не лопнет где-нибудь водопровод, или, не дай бог, не взорвётся дом, или не нагрянет какая-нибудь делегация, мы с вами поговорим.

На следующий день ни в половине четвёртого, ни в четыре, ни в половине пятого мэра не было.

– Я же вам говорила, он может возвратиться поздно и сразу поехать домой, – сердилась секретарша. Сердилась нарочно, потому что этот чудной старик её развлекал. Он был как из кино. На улицах Алексеевска такие не встречались. Старик сидел в приёмной на стуле задумчиво, подставив под синий подбородок ручку палки. Потом уходил в коридор. Было слышно, как касается пола его палка. Видимо, из деликатности он прохаживался, не наступая на ковровую дорожку. Чудак, она всё равно грязная. Он снова садился в приёмной на стул. Благодаря ему секретарша переделала кучу дел.

- Ваши картины дорогие? – спросила она.
- Картины не бывают дешёвыми, – ответил он.
- Ну, сколько всё же стоит такая средненькая картинка в рублях? – она даже показала руками приблизительный размер.
- Я так не могу сказать. Дело не в размере.
- Бывают такие картины, особенно современные, смотришь и диву даёшься, что в них хорошего. Идёт, – неожиданно сказала она.

Видимо у неё хороший слух, потому что прошло минут пять, прежде чем в приёмную вошёл мэр. Казалось, только что он успел поиграть с мальчишками в футбол. Весь распарился и растрепался. Брюки сползли с огромного живота, галстук съехал под мышку. Лицо наполнилось кровью, и выпуклые серые глаза азартно блестели. Он поздоровался с Рыловым, вошёл в кабинет и уже оттуда почти крикнул в оставшуюся открытой дверь:

- Заходите. – Голос хриплый, давно прокуренный.

Рылов вошёл. Он увидел с противоположной стороны кабинета ещё одну дверь. Прошлый раз не обратил на неё внимания. Мэр был за той дверью. Слышно, как льётся вода. Хлопнула дверка холодильника. Мэр вышел причёсанный. На ходу поправил на поясе рубашку, подошёл к окну и открыл его. Окно выходило на центральную площадь. Мэр поставил на подоконник пепельницу, закурил, рассеянно глядя в окно.

- Присаживайтесь ближе, – сказал он.

Рылов пересел за стол. Почувствовал запах спиртного. Бросилось в глаза, что мэр курит слишком торопливо, порывисто, и прежде чем поднести сигарету ко рту, отставляет руку далеко в сторону.

- Так что вы хотели?
- Вы хозяин города. Я хочу, чтобы вы меня выслушали.

– Я раб на галере, а не хозяин, – прохрипел мэр.
– Я постараюсь коротко.
– Говорите, – махнул рукой мэр.
– Мы с женой специально искали в справочниках город без художественного музея. Остановились на Алексеевске. Обменяли квартиру, кстати, не без труда. Актюбинск, знаете, это не ближний свет. Другая республика. Нам повезло. Семья военного с тех мест захотела вернуться домой. Одним словом, переехали, привезли картины и вот теперь рассчитываем, что...

– Я бы на вашем месте поступил иначе.
– Как?
– Ну, я бы приехал и сначала обо всём договорился, а уж потом разменивался квартирами.
– Мы считали, что наше предложение настолько выгодно для любого города...
– Почему Алексеевск?
– Я же говорил: мы в справочнике прочли, что в Алексеевке нет ни музея, ни картинной галереи.
– Музей у нас есть.
– У вас краеведческий музей. Это две большие разницы.
– Знаете, тоже хлопот. Один ремонт обошёлся в сто тысяч. Вы выпить не хотите? Я сегодня был в районе.

Мэр встал, ушёл в комнату отдыха, опять хлопнул холодильник. Он вынес начатую бутылку коньяка и два толстеньких стакана.

– Олег Владимирович, мне можно уходить? – спросила секретарша.
– А что, уже? – мэр посмотрел на часы.
– Да. Без десяти шесть.
– Хорошо. Я задержусь.
– Ключи от приёмной на столе.
– Две недели внуков не видел. Нет такого времени года, чтобы отдохнуть.
Мэр плеснул по полстакана коньяку. Взяли стаканы в руки. Мэр отпил хороший глоток и сразу потянулся за сигаретой.

– Не курите?
– Бросил.
– Давно?
– Да, очень давно. Как-то я заболел пневмонией и, пока лечился, не курил, а потом уже и не хотелось. Говорят же: нет худа без добра.

– Какая приблизительная стоимость ваших картин?
– Кто его знает. Я как-то над этим не задумывался.
– Но нам же придётся ставить их на баланс, а как мы это сделаем без стоимости.
– Я об этом не думал.
– Ну, вот. Может, вы хорошо подумаете и передумаете. Потому что потом предъявлять претензии будет поздно.

– Для нас с женой первостепенное значение имеет не вопрос собственности, а судьба картин. Мы же смертны. Картины могут жить очень долго, если за ними приглядывать. Вы бы знали, сколько картин, хороших картин и даже, может быть, гениальных пропадает. Художники бывают очень безжалостны к своим работам: рвут, замазывают, выбрасывают на чердаки, в чуланы. Там они портятся. На полотна раскладывают картошку. Художник умирает, картины попадают в руки невежественных людей, для которых они меньшая ценность, чем новая клеёнка. Большинство картин в нашей коллекции – это спасённые картины. Они не стоили нам ничего. Мы подбирали их, как выброшенных котят. Потом, конечно, за ними требуется уход.

– Плохая картина или хорошая, или, как вы говорите, гениальная, это всё слова, понятия, но есть же какой-то способ оценки? Единица хранения должна иметь свою

стоимость. Я когда-то был начальником автопарка. У нас на складе хранились запчасти, резина. В накладной указывалась цена. А как иначе – я не понимаю.

– Если я говорю, что не знаю стоимости, это не значит, что её нельзя установить. Я и богач, и нищий. Все, кто знаком с коллекцией думают, что я вложил в неё кучу денег. В то же время сами не дадут за неё ни гроша. Как говорил Бальзак, основная составляющая стоимости искусства – буржуазные предрассудки. Он называл это предрассудками. Я называю культурой. Чем богаче в картине культурный слой, тем дороже картина.

– Вы хотите, чтобы я в этом разобрался? – мэр потянулся к стакану.

– А вы не хотите? – Рылов тоже взял стакан.

Оба выпили. Мэр тут же налил ещё.

– Мне уже поздно, – сказал он.

– Почему?

– Я технарь, и, потом, нет времени. У меня телефон здесь не умолкает. Это удивительный случай, что нам ещё никто не помешал. Журавлёва компетентный специалист. Помещение, я думаю, мы найдём. Возможно, придётся сделать небольшой ремонт. Свободных средств, конечно, нет. Попросим кого-нибудь из директоров предприятий. А о статусе заведения надо будет говорить отдельно.

– Я понимаю. Стоимость можно определить произвольно. В конце концов, вам не придётся за них платить.

– В городском хозяйстве не может быть ничего произвольного. Давайте выпьем.

Мэр крикнул и снова потянулся за сигаретой.

– Олег Владимирович, наша с вами задача договориться, а юридические вопросы пусть решают юристы. У вас же есть в штате юрист?

– Есть. Вы сами кто по образованию?

– Педагог.

– Учитель? – уточнил мэр.

– Педагог, – повторил Рылов, высоко подняв подбородок. У него был крупный нос и две большие чёрные ноздри отчётливо выделились на мясистом лице. – Педагог по образованию, но в школе я никогда не работал. Был директором дворца культуры, директором народного театра, директором дома пионеров. Да чего только директором я не был.

– Баней не руководили? – засмеялся мэр.

– Вот уж нет.

– А то нам нужен заведующий баней. Давайте, – мэр поднял стакан.

Потом он позвонил по телефону. Ему никто не ответил. Он набрал ещё один номер, и снова на том конце никто трубку не снял. Посмотрел на часы.

– Разбежались, – сказал мэр. – В среду у нас аппаратное совещание – я дам поручение насчёт помещения, а вы подумайте, как лучше оформить своё предложение.

Городские куранты, установленные на центральном универмаге и напоминавшие аккуратную голубятню, пробомкали семь часов.

Рылова словно штормило. Он думал, что, в самом деле, очень богат и что это не имеет для него никакого значения. Если оценить каждую работу в пятьсот рублей и умножить на количество. Это будет... это будет... Могут подумать, что мы с Дусей подпольные миллионеры. На западе... да, на западе, говорят, на западе... Запад для Рылова не ближе, чем Луна. Мало ли, что может быть на Луне. Коньяк несколько уменьшил расстояние. Рылову даже показалось, что он имеет какое-то отношение к западу, что им могли бы даже там интересоваться. Им и его коллекцией. Ноги при каждом шаге разлетались, как половинки расшатавшихся ножниц. Он с особой остротой почувствовал, что расстаётся с богатством без сожаления, что его поступок естественен для человека, выросшего в этой стране, что он честен и благороден по отношению к ней и её народу. На луне нет воздушного пространства, на западе нет духовности, нет патриотизма. Рылов выпрямил спину, его переполнял восторг. Восторг от собственного

поступка. Он щекотал нервы. Хотелось смеяться, петь и говорить. Но Рылов сдерживался, заставлял восторг бродить внутри себя для большего удовольствия.

Дуся встретила его с огорчением. Но он выкатил на неё свой восторг. Переодевался, напевал о сердце красавицы, забрызгал водой всю ванную.

- Вы так близко сошлись с мэром? – спросила Дуся.
- Сошлись... Слово какое-то.
- Чем оно тебе не нравится?
- Сошлись. Что-то в нём двусмысленное и старомодное.
- Лингвист отыскался.
- Нормальный руководитель. Без спеси.
- Это ты его угощал или он тебя?
- Я бы не посмел. Конечно, он.
- Приезжал художник Саша за своей картиной.
- Ты отдала?
- Нет.
- Почему?
- Он забыл, какую именно картину ты купил.
- Да? – удивился Пётр Андреевич.

Он встал из-за стола с чашкой чая и пошёл в комнату. Сашины картины стояли возле уже собранного книжного шкафа. Рылов внимательно посмотрел на них.

- Дуся, представляешь, я сам не помню. По-моему, они одинаковые.
- В каком смысле, Петя?
- Незаконченные. Посмотри, вот тут сырое место и здесь. Цвет слишком открытый, не разработанный.
- Зачем же ты купил?
- Я откуда знаю. Не хотелось огорчать молодого человека.
- Не поздно вернуть.
- Нет, что ты. Давай оставим вот эту. Кажется, она лучше.
- В таком случае, отнеси её в другую комнату, а то опять забудешь.
- Я посчитал, если оценить каждую картину нашей коллекции в пятьсот рублей, у нас картин на... забыл, что-то на очень большую сумму. На западе наследники передрались бы за это.
- У нас нет наследников.
- Прости, дорогая. Я к тому, как в этом мире всё условно.
- Дети не условны. Это самая очевидная реальность, которой у нас с тобой нет.
- Ну, прости, прости.
- За что ты извиняешься. Ты же в этом не виноват.
- Прости, что нечаянно напомнил. Пора с этим как-то смириться. Нам уже за пятьдесят. Только подумать.
- Жили-были старик со старухой, и так случилось, что бог не послал им детей...

Петя, я забыла сказку.

- Какую?
- Про снегурочку.
- Ну, слепили они её из снега, а потом она растаяла.
- Может быть, и наша растаяла?
- Дуся!
- Что? Ладно, не буду. А всё-таки жалко.
- Дуся!
- Я о картинах. Жалко отдавать.
- А мне нет.
- Совсем?
- Совсем.

– Не ври.
– Не вру.
– Нет, врешь.
– Откуда ты знаешь?
– Это твоё сегодняшнее настроение... Ты прячешь от себя свою жалость.
– Да?
– Конечно.
– Какая ты у меня проницательная. Но почему же я не чувствую.
– Потому что ты это чувство залил сегодня коньяком.
– Откуда ты знаешь, что мы пили коньяк.
– Воняет ванилью.
– Мы пили хороший коньяк.
– Всё равно воняет.
– И уже начинает болеть голова. Всё же мэр произвёл на меня хорошее впечатление.
– Ты же обзывал его зоотехником.
– Зоотехник, механик, слесарь, водопроводчик – какая разница. Лишь бы человек был хороший.
– У тебя все хорошие, кто угощает.
– Дуся, вульгарно, согласишься?
– Зато правда.
– Неправда.
– Если бы ты меньше доверял людям, у нас не было бы столько неприятностей. Вспомни, как ты восхищался Самойловым, а он взял и подселел тебя.
– Я, по-твоему, с первого дня должен был это предвидеть?
– Другие предвидят.
– Значит, я всё делаю неправильно, значит, я старый наивный дурак. Значит, из-за меня одни неприятности. И ты всю жизнь терпела мои глупости, наши переезды, моих друзей. Дуся, почему ты не ушла от меня, почему ты живёшь со мной среди этогохлама? Почему ты ни разу не сказала: давай купим хороший холодильник, давай купим хороший телевизор. Почему ты не сказала мне, что Самойлов сволочь, если ты об этом знала?
– Ты не обратил внимания – я повесила картину Потапова на стену. Здесь такие стены, что в них невозможно забить гвоздь.
– Где? Ты ведёшь себя со мной, как с ребёнком. В конце концов, Дуся, это унижительно.
– Унижительно, когда тебя любят?
– Какой грустный камыш. Это потому, что он отражается в воде. Отражение всегда вызывает грусть.
– Да, ты, может, прав. Когда я смотрю на себя в зеркало, мне тоже становится грустно.
– Вот видишь – я прав, – сказал Рылов. Он обнял жену за плечи и оба смотрели на картину.

Утром, когда Рылов проснулся, Дуся лежала рядом и читала книгу. Он тайком понаблюдав за её профилем, но ни о чём не думал. Просто смотрел, как скользит свет по горбинке носа, как эта светлая полоска очерчивает губы, подбородок. Книжка была пожелтевшая от времени в каком-то серо-синем потёртом переплёте.

– Что ты читаешь? – спросил он.

Она скосила на него взгляд, зачем-то заглянула на обложку, словно сама не знала, что читает, ответила:

– Евгения Гранде.

– Тебе не кажется, что хотя бы иногда надо читать современных авторов.

– Кого именно? – спросила она.
– Ну, Пелевина, к примеру.
– Пелевина я читала.
– Когда?
– Какая разница. Недавно. Ты выспался?
Рылов пожал плечами.
– Сделать на завтрак омлет?
– Сделай.
Оба продолжали лежать. Дуся читала, а Рылов смотрел на картину Потапова.
– Как же ты повесила картину, если в стены нельзя вбить гвоздь? – спросил он.
– Я просверлила отверстие дрелью.
– Дрелью?
– Да.
– А где ты её взяла?
– У соседей.
– У соседей есть дрель?
– Если я взяла дрель у соседей, значит, она у них есть.
Дуся снова покосилась на Петра Андреевича. В уголке её губ дрогнула улыбка.
– Вернее, у соседа.
– У соседа?
– Да.
– Почему же ты не повесила заодно Нариманбекова?
– Он же всегда висел у нас на кухне, а здесь кухня очень тесная.
– Действительно, тесная. Нариманбеков слишком пастозен. Ты не говорила соседу, зачем тебе дрель?
– Конечно, говорила.
– Ты сказала, что хочешь повесить картину?
– Нет. Я сказала, что мне надо просверлить стену. Он спросил: у вас некому просверлить стену? Я объяснила ему, что мой муж этим не занимается.
– А чем занимается твой муж, ты не объясняла?
– Я сама не знаю, чем занимается мой муж. Когда-то он хотел преподавать, но в школе очень шумно. Потом он хотел стать художником, но ему было лень учиться рисовать. Он работал директором пионерского лагеря, но там слишком много молоденьких пионервожатых...
– Я знаю, ты давно разочаровалась во мне, – перебил Рылов. Он взял её руку и прижал к бедру, крепко сжимая пальцы.
– Я разочаровывалась и опять очаровывалась, потому что ты никогда не был безнадёжным. Мне всегда казалось, что я могу тебя исправить.
– Ну, это уж фигу, – сказал Рылов.
Дуся высвободила руку, встала, накинула халат и ушла на кухню. Пётр Андреевич продолжал лежать. Взгляд то и дело останавливался на картине.
– А японцы правы, – громко сказал он. – На стене должна быть одна картина.

Дождь шумел в деревьях. По стволам стекали струи воды. Неожиданный сумрак опускался на улицы, но потом пробивалось солнце, и дождь превращался в позолоченное серебро, разлившееся по крышам ларьков, по тротуарам, бордюрам, ступеням магазинов. Гул в водосточных трубах замолкал, складывались зонты. Над асфальтом поднимался пар, а где-то вдалеке уже опять шумела в деревьях полоса нового дождя.

Тонкая рубашка на плечах промокла, и на кончиках волос висели прозрачные капли. Рылов шёл со стороны почты. За столами под летним навесом сидели люди. Рылов окинул их взглядом. Узнал Юру. Он был в чёрной футболке с золотистой надписью. Рядом с ним сидели две женщины. Яркие, зрелые, с наглыми глазами. Они смотрели

вокруг чуть презрительно, с вершины своего опыта. Законченные стервы. Юра узнал Рылова и изобразил подобие поклона. Рылов ответил кивком головы. Он хотел пройти мимо, но неожиданно для себя остановился и повернул под навес. Подошёл к столу. Дамы его оглядели, как висящий на тремпеле костюм.

– Спрятались от дождя? – спросил Рылов, присаживаясь на деревянную скамью.

– Как ваши дела? – спросил Юра.

– Так вот я и хотел спросить: когда выходит из отпуска ваша начальница?

– Уже скоро, – сказал Юра и уточнил: – через неделю. Вы не нашли помещение?

– Как я мог его найти? – удивился Рылов. – Скорее я должен спросить: вы не нашли помещение?

– Я? – теперь удивился Юра. – Мне никто не поручал, – добавил он.

– А если бы вам поручили – вы могли бы найти?

– Я могу найти всё что угодно. Вот сегодня я нашёл спальный гарнитур, – он с улыбкой посмотрел на женщин.

– Найти мало, его ещё надо получить, – сказала одна из женщин. Она достала из сумочки пачку сигарет и закурила. Облизнула покрашенные губы, искоса посмотрела выпуклыми глазами на Рылова. – Почему ты нас не познакомишь? – спросила она Юру.

– Этот человек привёз в наш город коллекцию картин, – сказал Юра.

– Пётр Андреевич, – представился Рылов.

– Очень приятно, – сказала женщина и сложила губы так, чтобы дым из рта поднимался вверх.

– Что за картины? – спросила вторая женщина. Она положила локоть на стол, подпёрла голову и игралась золотым кулоном. В голосе было полно скуки. Это обидело Петра Андреевича, и он таким же скучающим тоном ответил:

– Так, пустяки.

– А зачем вам помещение? – спросила первая женщина.

– Для картин, – ответил Юра.

– Почему вы не повесите их у себя дома? – опять спросила первая женщина.

– Их очень много, – снова ответил Юра.

– Зачем вам много картин? – удивилась первая женщина и сама же предположила: – вы, наверно, богатый человек.

Рылов увидел, что она смотрит на его золотой перстень.

– Может быть, и богатый, – сказал он.

– Так может или богатый? Мы ищем для подруги богатого старпёра.

– Девочки... – сказал Юра.

– А что? – женщина опустила окурок в банку из под орешков. – Все что-то ищут, так почему об этом нужно шептаться. Тебе нужен гарнитур, Петру Андреевичу помещение, а женщине нужен спонсор.

– Вы, наверно, путаете спонсора с сутенёром, – сказал Пётр Андреевич, он поднялся, сердито посмотрел на Юру и пошёл под очередной дождь. Он услышал, как за спиной женщина сказала «козёл».

Пётр Андреевич резко выбрасывал палку вперёд, но, в общем, он устал, и даже злость не могла заставить его двигаться быстро. Поднимаясь по лестнице, остановился на площадке третьего этажа перевести дыхание. В грязное окно было видно улицу. Под ногами мчались автомобили. Первый раз Рылов подумал об Алексеевке как о чём-то неприятном, словно на новой одежде появилось пятно. Позвонил в дверь. Дуся не открывала. Рылов достал свои ключи и вошёл в квартиру. Разулся, заглянул на кухню и во все комнаты. Дуси не было. А ему так сейчас нужна была Дуся. Он рассказал бы ей, излил свою горечь, и ему бы сразу стало лучше. На телевизоре стояла ваза с розовыми пионами. В глубине цветка лепестки были сиреневые, а на кончиках почти белые. Оранжевый цвет вазы выглядел фальшиво. Рылов снова ушёл на кухню. На столе в восточной пиале был жареный арахис. Дуся жарила арахис для него. Когда Петру Алексеевичу нужно было что-

то съесть, удобно съесть горсть арахиса. Он достал из холодильника минеральную воду, налил в стакан и оставил на столе, чтобы вышел газ. Рылов переоделся и лёг. Не заметил, как уснул. Но спал чутко. Услышал щелчок английского замка. Пришла Дуся.

– Ты что-нибудь ел? – спросила она.

– Принеси мне воды. Там, на кухне в стакане.

Дуся принесла. Наблюдала, как Рылов пьёт.

– Ты что-нибудь ел? – повторила она.

– Нет.

– Почему?

– Ждал тебя.

– Котлеты будешь?

– Свежие?

– Конечно свежие. Что случилось?

– Ничего.

– Не может быть.

– Я немного разочарован.

– Замечательно.

– Что же тут хорошего?

– Одной глупостью будет меньше.

– Эту глупость мы делаем с тобой вместе.

– Какую же, любопытно?

– Мы дарим картины этим хамам.

– Тебя обругали в троллейбусе? Одну котлету или две?

– Знаешь, обидно. Почему люди... Да нет, я этого никогда не пойму.

– Петя, чего ты не поймёшь, расскажи.

– Встретил в городе Юру. Помнишь, из отдела культуры приходил к нам. С ним были такие вульгарные женщины. Просто, катастрофа. Катастрофа с этими людьми. Какие им картины, зачем им картины?

– Ну, так не будем дарить.

– Но мы же решили.

– Мало ли что мы решили. Я вот решила пирожные не есть – и съела два.

– Я серьёзно. Я серьёзно, Дуся, расстроен.

– Подумаешь, вульгарные женщины. Всё зло в мире от женщин. Как же они могут быть не вульгарными. Я тоже была вульгарная, пока на меня смотрели, как на женщину. Если бы ты знал, как мне иногда хотелось быть...

– Кем?

– Сукой. Чтобы я шла, а по моему следу бежала стая кобелей.

Рылов бросил на жену испуганный взгляд, наклонился над тарелкой и быстро, почти давясь, ел котлету. Проглотив очередной кусок, застыл, положил в тарелку вилку и сказал:

– Хотеть и быть разные вещи. Мне не интересно, кем ты хотела быть. Для меня ты всегда была умной и доброй.

– Правда, не интересно?

– Правда. Конечно, то, что ты сказала, меня удивило. Как-то неожиданно. Дуся, в самом деле, так было?

Она смотрела на него тёмными спокойными глазами. Глядя в эти глаза, Рылов всегда думал: какой у Дуси в голове порядок. Это было так удобно. Исчезало всякое беспокойство, как вечерами при запертой двери. И вот вдруг обнаруживается, что замок всю жизнь был ненадёжен. Рылов всё смотрел и смотрел в знакомые глаза, пытаясь увидеть в них что-нибудь для себя новое, но они были спокойны и тихи, как тёплая речная заводь.

– Не беспокойся, это было давно, – словно угадав его мысли, сказала она.

– Я подумал, я не смогу жить без наших картин, – сказал Рылов.
– Давай оставим всё как есть, – сказала она.
– Как? Картины в одной комнате, а мы с тобой – в другой? Нет. Картины придётся передать. Только надо поставить условие, что мы будем пожизненными хранителями. В конце концов, у галереи должен же быть директор. Ну и ещё какой-нибудь сотрудник. Правда, я хорошо придумал?

– Думаешь, в городе согласятся?
– А что они теряют? В любом случае без директора не обойтись.
– Надо заранее предупредить.
– Конечно. Через неделю выходит на работу Журавлёва, но я, может быть, до того ещё раз переговорю с мэром.

В дверь позвонили.

– Это Наталья Ароновна, – сказала Дуся, направляясь в прихожую.

– Кто?

– Соседка со второго этажа. Я пригласила её к нам.

Рылов застегнул на рубашке пуговицы и встряхнул волосами.

Гостью посадили в кресло, во второе сел Рылов, Дуся пристроилась на тахте.

Если Дуся была только похожа на еврейку, то Наталья Ароновна стопроцентная пожилая еврейка.

– Я сделаю кофе, – поднимаясь, сказал Рылов.

– Не беспокойтесь. Я уже давно пью цикорий. Вкус почти как у кофе, зато никакого вреда здоровью.

– Цикорий? Я помню это такое растение. У него ещё голубые цветы, – сказала Дуся.

– Да. Обычный сорняк. Здесь его полно, но я, конечно, покупаю в магазине уже готовый порошок.

– Петя, надо и нам попробовать. Вы говорите, он продаётся в магазинах?

– На вид и даже на вкус не отличишь от растворимого кофе, – сказала Наталья Ароновна.

– Кто бы мог подумать – сорняк, – всплеснула руками Дуся.

– Да и очень полезен, – сказала Наталья Ароновна.

– Ну, а чай? Чай будете? – спросил Рылов.

Гостья согласилась пить чай. У Дуси был приготовлен сыр и пирожные.

– У вас в Алексеевске есть родственники? – спросила Наталья Ароновна.

– Нет. Даже знакомых ещё не так много. Мы приехали в Алексеевск, чтобы подарить городу картины. Они у нас в той комнате, – сказала Дуся.

Наталья Ароновна многозначительно кивнула головой. Подумала и спросила: – Дорогие картины?

– Разные, – ответила Дуся. Потом тоже подумала и добавила: – Конечно, очень дорогих нет.

– Всё равно, наверно, это будет щедрый подарок, – сказала Наталья Ароновна.

– Вы знаете, для нас важно, чтобы картины попали в хорошие условия. Это не дело, когда они стоят вот так, у стен. Не хотите посмотреть? – сказала Дуся.

Дуся с гостьей встали и заглянули в соседнюю комнату.

– Видите, как у нас тесно, – сказала Дуся.

– Давно они у вас? – спросила Наталья Ароновна.

– Первые картины появились в Барнауле. Да, Дуся? Я даже помню самую первую. Натюрморт. Кажется, была зима. А фамилия художника Савичев. Но мы тот натюрморт забыли, когда переезжали в Бийск.

– Какие подробности ты помнишь, – сказала Дуся. Они с гостьей вернулись за стол. Рылов удовлетворённо крикнул.

– Я даже помню, что на натюрморте был лимон. Один большой лимон на зеленоватом стекле. В стекле лимон отражался, и отражалось белое окно, потому что была зима.

– Припоминаю, что-то такое у нас было на стене, – сказала Дуся.

– Вы как, любите живопись? – спросил Рылов Наталью Ароновну.

– Я преподаю в школе математику. Вот уже сорок восемь лет.

– Какой кошмар, – сказал Пётр Андреевич.

– Петя, – сказала Дуся.

– И вам ещё не поставили памятник? – спросил Рылов.

– Где, в школе?

– Ну, хотя бы там.

– Меня ценят. Конечно, в школе работать непросто, но я привыкла. На убогих умах стараюсь не обращать внимания. Занимаюсь с теми, кто хочет заниматься.

– Такие ещё остались? – спросил Рылов.

– Вы несправедливы к нынешней молодёжи, – сказала Наталья Ароновна.

– Не обращайтесь внимания. Дело в том, что Петя по образованию педагог, но работать в школе не смог, – сказала Дуся.

– Произошла череда неприятных случайностей. Попадись мне другая школа, другой директор... А потом, географию как школьный предмет никто не воспринимает всерьёз, и, конечно, это коллективное обучение, когда их там сорок человек...

– Но вы же сами учились в таких условиях, – сказала Наталья Ароновна.

– Я учился в вечерней школе и, в общем, ничему там не научился. Всё, что я знаю, мне захотелось узнать самому.

– Часто люди спохватываются, когда учиться уже поздно, – сказала Дуся.

– Да, всему своё время, – согласилась Наталья Ароновна. – Мой муж так жалел, что не научился смолоду водить машину. Потом и деньги были, и была возможность купить автомобиль, а за руль сестра уже боялась. Три года, как я живу одна. Сын в Израиле. Зовёт меня к себе. Мы были с Лёней у него. Нам очень не понравилось. Но, может, и уеду. Подумаешь, кому я здесь нужна. А у вас есть дети?

– Нет, – ответила Дуся.

– Вы знаете, в подъезде, когда увидели ваши картины, решили, что вы художники, и, я вам скажу, очень испугались.

– Почему? – удивилась Дуся.

– Ну, у художников такая репутация, и потом боялись, что будет вонять на весь подъезд краской.

– Что я тебе говорил, – Пётр Андреевич громко хлопнул себя по колену.

– Что ты мне говорил? – спросила Дуся.

– Ничего страшного в этом нет. Ну, поговорили, – сказала Наталья Ароновна.

– Вот именно, – поддержала Дуся. – Помнишь, как в Ташкенте все смотрели на мои шорты, а в Самарканде фотографии заговаривали с нами по-английски.

– В Самарканде фотографии знают английский? – удивилась Наталья Ароновна.

– Боже мой, по две-три фразы, как везде, – ответила Дуся.

– В Израиле английский язык знают почти все, – сказала Наталья Ароновна.

– Что вы сравниваете Израиль. У нас был знакомый художник – Жалковский. Так вот он уехал в Израиль нищим. Потом вернулся уже с деньгами, забрал все свои картины, даже те, что дарил, и уехал опять, но уже в Америку, – сказал Рылов.

– Мой сын зубной врач. Когда уезжал в Израиль, очень боялся, что не найдёт работу по специальности. «Мама, я как подумаю, сколько там зубных врачей!» Тем не менее работает в клинике. Правда, пришлось подтверждать диплом. Везде свои проблемы.

– Да, – согласилась Дуся.

Они просидели до вечера. Наталья Ароновна ушла. Дуся нагрела в кастрюле воду и мыла посуду.

– Удивляюсь я людям – есть возможность уехать в Израиль к сыну, а они сидят тут, греют в кастрюлях воду, преподают тупицам математику, – сказала Дуся на кухне.

Рылов, наконец, расстегнул на рубаше все пуговицы и сидел в кресле, перекосившись. Большой живот завалился набок, как верблюжий горб.

– Она же сказала, что, может, уедет.

– Нет, никуда она не уедет, – возразила Дуся.

– Почему?

– Мне так кажется.

– А мы могли бы с тобой уехать в Израиль?

– Не слышу, – сказала Дуся.

– Мы могли бы уехать в Израиль, – громче повторил Рылов.

Дуся пришла в комнату с полотенцем и чашкой. Внимательно посмотрела на мужа.

Он поднял голову.

– А что?

– Ты обещал мне, что Алексеевск наш последний город.

– Ну, да. Мы же не евреи, – успокоил её Рылов.

На следующий день он узнал от секретаря, что мэр ушёл в недельный отпуск. Вахтёр в исполкоме подозвал его к себе и спросил, не служил ли он в Баку. Рылов ответил, что он вообще не служил. Тогда вахтёр попросил разгадать слово в кроссворде.

– Голову сломал, – пожаловался он.

Рылов посмотрел на голову. Она была круглая, большая и целая.

– Вот, – вахтёр ткнул пальцем в кроссворд. – Декоративный архитектурный элемент в виде женской фигуры.

– Кариатида, – сказал Рылов.

Вахтёр склонился с карандашом над журналом.

– Не подходит.

Рылов повесил палку на руку, достал очки и заглянул в кроссворд.

– Вы пишете слово с двумя ошибками, поэтому и не подходит.

– Первый раз слышу про эту кариатиду, чёрт её побери.

– Бывает, – сказал Рылов и пошёл к стеклянной двери.

– Я сразу подумал, что ты знаешь, – сказал вахтёр.

– Почему? – оглянулся Рылов.

– Ходишь, как академик.

Рылов ничего не ответил, сделал вид, что не обиделся. Сам виноват, подумал он, зачем лез со своим ответом, но в следующую секунду злость победила – солдафон хренов, козёл, тупица. Дошёл до скамейки у фонтана. Несмотря на дожди, воды в фонтане не было. На самом дне плёнка серо-зелёной грязи, из которой торчали пластиковые стаканы. Пенсионерка высыпала из целлофанового пакета хлебные крошки. Голуби окружили старуху. Несколько голубей хотели сесть ей на голову, на плечи, на руку с пакетом. Они были жирные, а старушка худая. Древнее крепдешиновое платье висело на ней, как на швабре, на голове была какая-то пожелтевшая шляпка. Рылов сидел далеко от старухи и не видел лица, но ему казалось, что у неё накрашенные губы и брови. Какое несчастье быть в этой стране старым и знать, как пишется слово кариатида.

Съев конфету, он пошёл в узел связи. Рылов открыл дверь комнаты наугад. Женщины, а в комнате были только женщины, что-то писали и считали.

– Я насчёт установки телефона, – сказал он в пространство комнаты.

– Это бухгалтерия, – строго сказала женщина, сидевшая лицом к двери. Она оторвалась от бумаг лишь на секунду. Но, видимо Рылов её удивил. Она посмотрела на него внимательнее. За её взглядом потянулись взгляды других.

– Это бухгалтерия, – сказала другая женщина.

Рылов переложил палку из руки в руку, повернулся, чтобы выйти.

– Вы, в каком районе живёте? – спросили за спиной.
Рылов снова повернулся к комнате лицом.

– Вы, в каком районе живёте? – повторила женщина у окна.

– Пусть приходит в четверг, как положено в четвёртый кабинет, – сказала женщина, сидящая к двери спиной. Рылов видел только полную сутулую спину и копну волос.

– Может там тройка, зачем напрасно ходить, – сказала женщина у окна. – Вы в каком районе живёте?

– На улице Юбилейной, – сказал Рылов.

– На Юбилейной тройка, – сказала ещё одна женщина.

– Вот видите, – сказала у окна, – он бы зря тащился. На Юбилейной мы не устанавливаем.

– Но у наших соседей есть телефон, – сказал Рылов.

– Ну и что, что у ваших соседей есть телефон, – сказала женщина, сидящая спиной.

– Тройка перегружена. На АТС нет свободных номеров. Надо ждать, пока кто-нибудь откажется в вашем доме от телефона.

– Всё равно, пусть придёт и напишет заявление, – сказала женщина, сидящая к Рылову боком. Она смотрела на него, словно портной.

– Зачем, там и так очередь. Зачем обнадёживать человека, – сказала у окна.

– Вы поговорите с соседями. Может, кто собирается переезжать или кому-нибудь телефон не нужен, – сказала самая пожилая женщина.

– Какая ерунда, – сказала у окна.

– Почему? – удивилась пожилая.

– Квартиры обменивают с телефоном. Так они дороже стоят, – сказала женщина у окна.

– У вас раньше не было телефона? – спросила пожилая.

– Нет, – сказал Рылов.

– Тогда бесполезно, – сказала самая первая женщина.

– А я бы на его месте написала заявление, – сказала пожилая.

– Извините, – сказал Рылов и, вспотевший, вышел в коридор.

Дома были гости. Саша привёз худенькую девочку с красными прыщами на лице. Звали её Зоей. Дуся что-то рассказывала Зое. Она разложила на коленках блокнот и внимательно слушала. Саша сидел в кресле, перегородив ногами половину комнаты.

– А вот и Петр Андреевич, – сказала Дуся. Все встали, поздоровались.

– Зоя – корреспондент, – сказала Дуся.

Корреспондент покраснела, и прыщи превратились в пунцовые соцветия.

– Я сделаю кофе. Пётр Андреевич вам всё расскажет, – сказала Дуся.

Зоя перевернула в блокноте страницу. Рылов после всего, что с ним случилось, был не в духе. Он вышел вместе с Дусей на кухню. Вынул из пакета минеральную воду и поставил бутылку в холодильник.

– Что за корреспондент? – тихо, но сердито спросил он.

Дуся взглянула на мужа, покачала головой и так же тихо, но внятно сказала:

– Корреспондент местной газеты. Милая девочка.

Рылов возвратился в комнату. Милая девочка пришла в себя и спросила:

– Давно вы коллекционируете картины.

– Не хотите посмотреть? – спросил Рылов.

– С удовольствием.

– Вот тут они у нас пока хранятся.

– Саша рассказал, что вы собираетесь передать картины городу. Это правда?

– Ну, а зачем бы Саше врать? Собираемся. Вы же видите, как у нас тесно.

Зоя опять смутилась и от собственного вопроса, и от ответа.

– Вы сядьте. Я вынесу несколько картин.

Рылов взял в руки сразу четыре картины, потом ещё четыре. Он поставил их к книжному шкафу. Отошёл к противоположной стене, искоса поглядывая на Зою. Зоя маленькой детской ручкой смахнула на лоб чёлку, прикрывая угри.

– Что скажете? – спросил Рылов.

– Красиво, – сказала Зоя.

– Петя, помоги мне, – позвала Дуся. – Ты поласковее, девочка смущается, – тихо сказала она.

Вынесли в комнату кофе, сахар, печенье. Придвинулись к журнальному столу.

– Вы давно в газете? – спросил Рылов.

– Я учусь на четвёртом курсе. У меня практика.

– Вы местная? – снова спросил Рылов.

– Да, конечно. Я уже два года печатаюсь в «Рассвете».

– Пишете о культуре?

– Пока пробую обо всём. Хочу написать о вашей коллекции и о том, что вы хотите подарить её городу.

Зоя потянулась за печеньем.

– Это замечательно, только, может, ещё рано об этом. Как такового события нет. Журналист должен освещать события, – сказал Рылов.

– А то, что вы приехали в наш город и привезли с собой картины, разве не событие? – не согласилась Зоя.

– Ну, это событие частного характера. На городе и горожанах пока никак не отразившееся.

– Пётр Андреевич, надо, чтобы газета написала о вас. Это прибавит значения, – сказал Саша.

– Если уж писать, то не о нас, а о том, что для картин необходимо помещение, – сказала Дуся.

Зоя взяла блокнот и что-то записала. У неё были пухлые, как у ребёнка, губы и большие глаза с бледными веками.

– Можно написать, что ваши картины ценные? – спросила Зоя.

– Ну, конечно, ценные, только делать на этом акцент не надо, – сказал Пётр Андреевич.

– Почему? – удивилась Зоя.

– Прочтут и обворуют, – сказал Рылов.

– Что вы! – сказала Зоя.

– Вы знаете, сколько картин каждый год пропадает из музеев? – сказал Рылов. – А у нас ни решёток, ни сигнализации.

– Неужели кому-то нужны эти картины? – спросила растерявшаяся Зоя.

Пётр Андреевич и Саша переглянулись.

– Зоя, берите ещё печенье, – сказала Дуся. – Вы стихи пишете?

– Конечно, пишу, – сказала Зоя.

– А кто из поэтов вам нравится? – спросила Дуся.

– Обожаю Цветаеву, – ответила Зоя.

– Да, какая трагическая судьба у женщины. Вы, Зоя, не замечали, что с поэтами всегда происходит что-нибудь ужасное, – сказала Дуся.

– Замечала. Но я не собираюсь быть поэтом. Стихи я пишу для себя.

– Так не бывает, – Дуся улыбнулась и погрозила пальцем. – А несчастий не бойтесь. Волков бояться – в лес не ходить.

Зоя с радостью уходила от Рыловых. Она не могла этого скрыть. Торопливо положила блокнот в сумочку, скороговоркой попрощалась, выскользнула на лестничную площадку. Рылов задержал Сашу в прихожей и отдал пятьдесят рублей.

– Когда же вы заберёте вторую картину? – спросил он.

– Можете оставить её себе, – сказал Саша.

– Но я не могу за неё заплатить.

– Ну и не надо, – сказал Саша.

Гости ушли.

– Тебя нельзя отпускать в город одного. Вечно возвращаешься в плохом настроении. Запутал девочку. Напишет какую-нибудь глупость.

– Она и так бы её написала. Ты не помнишь, как называлась газета в Александровске?

– Кажется, «Заря».

– Всё-таки «Заря». А здесь «Рассвет». Я помню, что-то похожее.

– Кто тебя сегодня обидел?

– Какой-то солдафон. Обозвал академиком.

– Что же в этом обидного?

– Ты бы слышала, как он это сказал.

Рылов задумался. Он сидел и смотрел на выставленные картины. Сначала рассеянно, но потом увлёкся красками, манерой письма. Вспомнил художника, оставившего ему одну, на первый взгляд, небрежную картинку. Именно оставил, а не подарил. Художник был ещё молодым парнем. На творческие дачи ездили маститые, а у него даже мастерской не было. Кем он потом стал? Он написал уборщицу Ларису в последний день. Краска на холсте в день отъезда ещё не высохла, и художник попросил сохранить работу до следующего приезда. Видимо, он думал, что будет приезжать не раз. В уголке картины стояла подпись, из которой можно было разобрать только первую букву «П». Рылов забыл его фамилию. Картина была написана в один приём, молодым воодушевлённым художником, и изображала простенькую девушку. Мечты сбылись, сбываются или обязательно сбудутся, так думал паренёк, щедро накладывая краску на холст. Пройдёт ещё немного времени – и сменится поколение, а художник и его натура останутся навсегда в начале своего пути, как молодой Рембрандт с поднятым бокалом, усадив на колени юную жену, продолжает оставаться счастливецом, несмотря на всё, что было потом. Уборщица Лариса месяца через три рассчиталась, и вообще, уборщицы в Доме творчества менялись часто.

Дуся управилась на кухне, вошла в комнату, остановилась возле кресла, положив руку на его плечо.

– Напрасно ты не разрешил Зое сфотографировать парочку работ, – сказала она.

– Зачем? Неужели картины можно печатать на газетной бумаге?

2.

Прошло лето. Вместо пионов у подъезда зацвели астры. Днём по-прежнему было жарко, но только в самый полдень в безветренную погоду. Ветер всё чаще вызывал озноб и желание спрятаться от него или надеть на себя что-нибудь теплее. Трава порыжела, на тополях появились жёлтые косички, а каштановые листья очертило коричневой каймой, словно их опалил огонь. Супруги Рыловы продолжали жить в одной комнате. В другой так и стояли вдоль стен стопки картин, громоздился домашний скраб, в отсутствие шифоньера. Правда в прихожей и в туалете появились полки с расставленными книгами. Дуся устроилась уборщицей в филиал центральной библиотеки. Каждое утро она уходила на несколько часов мыть полы и вытирать пыль. Наталья Ароновна уехала к сыну в Израиль погостить, оставив на попечение Рыловым свою кошку. Два раза в день Дуся спускалась на второй этаж, отмыкала квартиру Натальи Ароновны. Кошка пряталась за диван. Дуся оставляла ей в блюде сухой корм и воду. Иногда клала колбасу или нарезанную на куски сардельку. Если кошка съедала колбасу и сардельку, Дуся покупала этот сорт себе.

Определённости не было. Определённости не было в главном, хотя кое-что определилось. Ни о каком новом учреждении культуры речи быть не могло. Рылову дали понять, что такие вопросы решаются высоко, на уровне министерства, и на это могут уйти годы. Значит, картины отдадут на баланс библиотеки, дворца культуры, дома быта или ещё чёрт знает чего, чей директор позволит навязать ему картины.

Рылов лежал на тахте, закинув руки за голову, и смотрел на свои ноги. Он даже пошевелил ступнями, словно хотел убедиться, что они принадлежат ему. Дуся ещё была в библиотеке. Рылов ждал её возвращения, чтобы вместе пообедать и снова пойти к Журавлёвой. В голове крутился один вопрос: то ли всё вокруг лишено здравого смысла, то ли он дурак. И то и другое имело место быть. В пятьдесят с лишним лет это очевидно. Оставалось установить пропорции. Рылов вспоминал жизнь. В это время пришла Дуся.

– Я сегодня ещё никуда не выходил, – сообщил он.

Дуся промолчала, потому что не выходил, ну и не выходил. Что тут скажешь? Но Рылов слишком долго был один, и в нём накопилось желание говорить.

– Ты же знаешь, что фамилию мне дали в детдоме? – спросил он.

Дуся выкладывала на кухне продукты.

– Да, знаю, – сказала она.

– Наверно, я был круглолицым мальчиком. С большим рылом. Вот мне и дали фамилию Рылов.

– Ты это к чему?

– Да к тому, что я неизвестно кто такой. Я сам себя не знаю. Ты вдумайся в этот ужас – не знать самого себя.

– Глупости. Разве человек не тот, кем стал? Тебе нельзя долго лежать, – сказала Дуся.

– Я ждал тебя, чтобы вместе пообедать. Потом я пойду к Журавлёвой.

– Опять?

– Что делать? Я чего-то не учёл.

– Ничего удивительного.

– Значит, ты тоже считаешь меня дураком?

– А кто ещё так считает?

– Ага, считаешь.

– Ничего подобного.

– Ещё, кроме тебя, дураком себя считаю я. Может, мои родители были полуграмотные забытые люди. Откуда у них мог родиться умный мальчик? У толковых родителей была бы бронь, и они эвакуировались бы в Ташкент.

– Ты в самом деле решил разыграть из себя идиота. Мой дядя был доцентом и погиб на фронте. И почему бы тебе не думать о своих родителях только хорошее. Тебе это сделать проще. Ты их не знал и можешь просто фантазировать. А фантазии должны быть добрыми. Ну, что ты, Петя.

– Я уже нафантазировал, что наши картины кому-нибудь будут нужны. Добрая наивная фантазия.

– Сейчас мы пообедаем, и ты пойдёшь к своей Журавлёвой. Раньше ты добивался у женщин большего успеха.

– Раньше я был моложе, а теперь, знаешь, кто я – старпёр.

– Что это ещё такое?

– Старый пердун.

– О господи.

Рылов уже знал, что в исполком лучше приходить после обеда. Аппаратные и разные встречи обычно назначаются на первую половину дня. Правда, после обеда не всех можно застать, зато те, кого захватишь, не так заняты. В этот раз Рылов не угадал.

Журавлёва сразу предупредила, что в четыре часа торжественное собрание по случаю дня бухгалтера. Было без четверти три.

– Мне мэр твёрдо обещал, что картины будут размещаться в отдельном помещении.

– Как вы не поймёте – в отдельном помещении они окажутся без присмотра. Или вы хотите, чтобы мы повесили на это отдельное помещение замок и всё. В чём тогда смысл?

– Неужели нельзя сделать две штатные единицы.

– Штатные единицы могут создаваться в рамках учреждения. Их надо профинансировать. Насколько проще выставить картины в фойе ДК или кинотеатра. Не поместятся все, можно со временем менять экспозицию. Так делают во всех музеях.

– Я знаю, что такое ДК! Это же проходной двор. И потом, я же вам говорил, что я сам хочу быть при своих картинах.

– Вы определитесь – «при своих» или вы дарите их городу?

– Конечно, дарю, но могу я себе позволить...

– Пётр Андреевич, мы с вами говорим об одном и том же уже много раз. Мне некогда сегодня.

Рылов посмотрел на эту худую, видимо, мучившую себя диетой женщину. Вспомнил домашний разговор и подумал, что старость не тогда, когда тебе прилично лет. Старость – если поступаешь как старик. Перед ним женщина сорока лет, а он смотрит на неё, как на указку.

– Что вы так на меня смотрите? – спросила Журавлёва.

У неё были серые глаза, и вся она была сухая, как чёрствый хлеб. То ли она в самом деле была костлявая, то ли казалась такой в глазах старика. Этот вопрос вдруг встал перед ним, отодвинув все остальные. Она не отводила взгляд. Серые глаза наполнились тревогой. Исчезла уверенность. Она сама это почувствовала и сразу насторожилась. Как боксёр, боялась пропустить удар. Рылов перевёл взгляд на плечи, шею, подбородок. Под кофтой была маленькая грудь в панцире бюстгальтера. Тонкие загорелые руки вызвали ощущение шершавости, словно она озябла и кожа покрылась пупырышками, как у девочки, что выскочила раздетая на зимний балкон. Кисти рук в мелких морщинках – всё-таки сорок или сорок пять. У неё наверно уже взрослая дочь или сын. Может, она уже бабушка, а Рылов никак не мог избавиться от воспоминания девочки на зимнем балконе. Она стоит и ждёт, когда следом выскочит худой Петька с длинными, как у «Битлз» волосами, обхватит её за талию и потащит назад в комнату.

– Когда-то у меня не было картин и, кажется, я был счастлив.

– Может, вы придаёте своей коллекции слишком большое значение?

– Как можно не придавать значения своему ребёнку?

– Я сказала – слишком большое. Ребёнка можно разбаловать, и он сядет на шею.

По-моему, это с вами и произошло.

– Нет. Со мной произошло другое, – сказал Рылов.

– Что же?

Рылов наклонился к Журавлёвой и шёпотом сказал:

– Я глупый человек.

– Вы зря обижаетесь. Я уверена – мы с вами всё устроим. Извините, мне надо идти, – сказала Журавлёва.

Перед Дворцом культуры былолюдно, потому что прислали бюджетников. В самом ДК тоже стоял гул. Журавлёва прошла за кулисы. Ведущие просматривали текст. Журавлёвой не нравилась эта девочка. У неё была слишком большая грудь и широкие плечи. Ей бы работать на стройке. Но говорила она бойко, никогда не смущалась, даже когда ей не удавалось что-нибудь выговорить. Ведущий нравился больше, хотя в отделе его почему-то обзывали гомиком. Выходя на сцену, он делал быстрые короткие шаги, держал ровно спину, задира л нос. Он напоминал длинноногого цыплёнка, когда ещё не

ясно, кто из него получится – петух или курица. Журавлёва поздоровалась. Спросила – всё ли у них готово. Директору ДК успели доложить, что пришла начальник. Директор отыскала её на сцене, приготовившись отвечать на вопросы. Но Журавлёва ни о чём не спрашивала, только предупредила, чтобы не получилось с фонограммой, как в прошлый раз. Потом Журавлёва пошла в фойе, встретить своё начальство. Вспомнила о цветах, поискала глазами директора ДК. Директор следила за нею и сразу подошла.

– Кто у нас вручает цветы? – спросила Журавлёва.

– Девочки из танцевального коллектива, – ответила директор.

– Они не слишком маленькие?

– Нет. Из старшей группы.

Через стеклянную дверь фойе Журавлёва увидела, что на пороге стоят мэр и Рылов. Олег Владимирович курил. Они разговаривали. В эту минуту Журавлёва задушила бы этого надоедливового старика. Откуда он взялся на мою голову, старый дурак. Она никогда не задумывалась – умный старик или глупый, но тут про себя подумала: старый дурак. Ещё на пороге мэра окружили и оттеснили от Рылова. В этом окружении он вошёл в фойе. Сказал кому-то – пора начинать. Члены исполкома всегда сидели в проходе. Мэр мог встать и выйти курить. Журавлёва сидела в одном ряду с мэром и видела только ступни ног и седой барашек волос на голове. Мэр не позвал её к себе, и оставалось только гадать, что за этим стоит и о чём они говорили с Рыловым. Текст ведущих она читала, но когда первые фразы прозвучали в зале, они показались Журавлёвой идиотскими. «Знайте взрослые и дети – бухгалтер лучшая профессия на свете». При чём тут дети! А детей становилось всё больше и больше. Младшая группа танцевального ансамбля «Аллегро» станцевала танец цифр. Потом дети пели: «Дважды два – четыре. Это всем известно в целом мире». Когда на сцену вышла прозрачная девочка из циркового коллектива, Журавлёва увидела удаляющуюся сутулую спину в сером костюме. Если бы через пять минут мэр не вернулся на своё место, Журавлёва не спала бы.

У Рылова разболелась голова. На прошлой неделе он был у эндокринолога. Местный инсулин Рылову не нравился. Он стал хуже себя чувствовать. Но, может, виною была осень.

Дуся смотрела телевизор. Она, как девчонка, сидела на тахте, подвернув под себя ноги. Где-то он видел такую позу, на картине. У Петрова-Водкина или Чернышова. Попытался вспомнить, нет, болела голова. Переоделся. Сел в кресло, сделал укол, откинул голову.

– Телевизор не мешает? – спросила Дуся.

– Я сейчас пойду на кухню, выпью чая, – сказал Пётр Андреевич.

– Может, поешь?

– Позже.

Рылов ещё посидел с минуту и ушёл на кухню. На кухне висели два крошечных натюрморта. Нашлёпки, как их называют художники. Что-то вроде быстрых шахмат. Из хаоса мазков возникает форма, но какой ещё долгий путь от нашлёпка к картине, и как редко удаётся его пройти, не растеряв того, что уже было найдено. Поэтому не так просто выпросить у художника эти маленькие картинки, часто валяющиеся по всем углам мастерской. Подержав в руках под пристальным прищуренным взглядом, они часто говорят: это ещё может пригодиться.

– Петя, я забыла сказать, приходил какой-то мужчина. Он оставил свой номер телефона.

– Что за мужчина?

– Я так поняла, коллекционер.

– Дуся, коллекционер чего?

Дуся развела руками.

– Завтра позвонишь из квартиры Натальи Ароновны или из автомата и всё узнаешь.

– Это что же, у нас появились конкуренты, – сказал Рылов.

Дуся удивлённо посмотрела на мужа.

– Что тебе в этот раз сказали в исполкоме?

– То же, что и раньше.

– Давай оставим у себя с десяток лучших работ, а остальные отдадим на любых условиях.

– Разве мы этого хотели? Вспомни, как мы себе это представляли? Картинная галерея, экскурсии, благодарные горожане, уважение. Дуся, я только сейчас стал понимать всю нашу наивность. «Благодарные горожане, уважение». У этих слов давно нет реального содержания. Газетные штампы. Причём самых провинциальных газет. Мне, старому человеку, даже неловко их произносить, тем более глупо, что я так думал.

– Петя, не преувеличивай. Никогда мы с тобой не думали о благодарностях.

– Но и просто избавиться от картин мы не собирались. Ладно, ещё не всё потеряно. Я договорился с Олегом Владимировичем о новой встрече.

Ночью Рылову снилось детство. После войны Рылов был в детском доме под Саратовом. Снилось маслянистая вода на Волге, измятая мелкой волной. Маслянистой она казалась от зелёных водорослей и солнца, которое пробивало зелёную воду, окрашивая её в цвет растительного масла. Их водили на Волгу купаться. Однажды мальчишка из старшего отряда утонул. Рылов придумал себе, что это был старший брат, и с тех пор всем рассказывал, что у него был старший брат и что если бы он был жив, он защищал бы его. Рылов так привык к этому своему вранью, что и сам верил. Удивительно, но он даже не видел утонувшего, а только слышал о том случае. Проснувшись, когда на улице было ещё темно, Рылов подумал, что он всю жизнь придумывал себя и жил придуманной жизнью, а настоящая жизнь проходила мимо. Конечно, он сам в этом виноват. Потом он думал ещё и ещё, пока в комнате не стало светло. Дуся пошевелилась, посмотрела на него щелчками глаз. Она отвернулась, полежала. Сон прошёл. Дуся снова легла на спину.

– Сколько времени? – спросила она.

– Половина седьмого.

– Давно не спишь?

– Давно. Знаешь, о чём я думаю?

– О чём?

– Винить во всём себя не только глупо, но и не скромно. Мы же не боги. Если бы я родился в крестьянской семье в конце девятнадцатого века... Или дворянской – это не имеет значения. Важно, что существует уклад, порядок вещей, и я с детства знаю: где я и что я. Ни у меня, ни у окружающих не возникает вопроса, кем мне быть, где мне быть и чем заниматься. Но вот меня нет ещё на свете, а порядок вещей уже нарушен. Я рождаюсь – родителей нет, дома нет, земли нет. Мне говорят: нам нужны строители или военные, и я должен стать военным. Но как я могу им стать? Это всё равно что загнать барана в волчью стаю. И я же ещё виноват, что моя жизнь чёрт знает на что похожа.

– Не надо себя ни в чём винить, – сказала Дуся. – Мы и так ходим вечно виноватые. А те, кто в самом деле виноваты, редко это признают.

– Дуся, какая ты у меня умница.

– Поднимайся, попьем вместе чаю, – сказала она.

После чая Дуся ушла на работу в библиотеку, а Рылов снова лёг. Вспомнил о коллекционере. Что ещё за коллекционер! Никто из художников о нём не говорил. Рылов принялся искать телефон. Прежде чем он нашёл бумажку с телефоном какого-то Абрамова Валентина, он переглядел два десятка квитанций, рецептов салата и названий лекарств, растыканных по вазочкам и записным книжкам. Позавтракав, он вышел на улицу и позвонил из телефона-автомата коллекционеру. Договорились о встрече. Он придёт сегодня в четыре. Разговор получился коротким. Зачем о чём-то спрашивать по телефону, если они договорились встретиться. Надо что-то придумать на стол, но это

лучше получается у Дуси. Рылов стоял в комнате среди картин и думал, что он покажет новому знакомому. Конечно, Нариманбекова, Иванова, Яблонскую. Рылову хотели впарить эту работу как картинку самой Яблонской, но потом выяснилось, что речь идёт об одной из её дочек. Цена упала. Но картинка была свежая, декоративная, написанная тонким слоем открытыми цветами и немного напоминала Матисса. Вся коллекция Рылова состояла из работ, кому-то подражавших. Из углов картин выглядывали Шишкины, Врубели, Сезанны, Ван-Гоги. Для художественной провинции это обычная история.

Гость пришёл не один. Ему было лет сорок. Маленький, с осторожными плавными движениями. С ним была женщина. Совсем молодая. Она была на полголовы выше, очень симпатичная, но с вульгарным вкусом, в кофточке с блёсками и золотом на шее и пальцах.

– Алёна, – представилась она.

Я так и знал, подумал Рылов. Конечно же, Алёна или Анджела или Наташа Королёва.

Сели за стол.

– Мне сказали, что в город приехал коллекционер, – начал Валентин Абрамов. – Город у нас небольшой. Тут все друг друга знают. Я имею в виду людей, кто чем-нибудь занимается стоящим.

– Да, мы с женой коллекционируем картины, – сказал Рылов.

– Я вижу у вас замечательный чайный сервиз, – сказал Валентин.

– Это бухарская керамика. Мы с Дусей купили его в Самарканде.

– Вы были в Самарканде? – спросила Алёна.

– Мы жили в Ташкенте и ездили в Самарканд на экскурсию. Потрясающий город-музей, – сказала Дуся.

– А что у вас ещё есть интересного? – спросил Валентин.

– Картины, – ответил Рылов.

– А иконы у вас есть? – спросил Валентин.

– Нет. Икон у нас нет, – ответил Рылов. – Простите, а что коллекционируете вы?

– Я часовщик. Собираю советские часы, монетки, значки. У меня на Артёма мастерская – заходите.

– Не хотите посмотреть картины? – спросил Рылов.

– Конечно.

На одной из работ была хорошая рама под старинную бронзу. Валентин потрогал её руками.

– Статуэтки не собираете? – спросил он.

– Какие? – спросил Рылов.

– Бывает хороший советский фарфор, бывает старинная бронза, – сказал Валентин.

– Нет, – ответил Рылов.

Поговорили о стране, городах.

– Так вы из Актюбинска?

– Да, мы прожили там четыре года, – сказала Дуся.

– Где это? – спросила Алёна.

– В казахской степи, – ответил Рылов.

– Далеко? – спросила Алёна.

– Очень, – ответила Дуся.

– Вам нравится в Алексеевке? – спросила Алёна.

– Чудесный уютный городок, – сказала Дуся.

Гости собрались уходить. На прощание Абрамов окинул квартиру внимательным взглядом, как сыщик. Увидел в коридоре палку.

– Хорошая трость, – похвалил он.

– Да. Представьте себе, ручка из цельного корня кизила.

– Давно она у вас?

- Мне сделал её в Ташкенте один хороший мастер.
- Эксклюзив, – догадался Абрамов.
- Авторская работа, – подтвердил Рылов.
- Вот видишь, о нас уже в городе знают, – сказала Дуся, когда они остались одни.
- Мне кажется, он собирает не только значки, – сказал Пётр Андреевич.
- Антикварный жучок, – сказала Дуся.
- Представляю, как мы его разочаровали.
- Думаешь, он поверил, что у нас нет икон?
- Ты помнишь Афанасьева? Он расписал в Новокузнецке церковь и вылетел из

Союза художников.

– Когда это было? Ещё при Брежнев. Теперь никто бы не обратил внимания, – сказала Дуся.

– Меняется эпоха, Дуся.

– Я сегодня забыла про кошку. Сидит там голодная, бедненькая, целый день. Отнесу ей копчёной колбасы.

– Тогда уж накорми её сметаной.

– Наталья Ароновна предупреждала, что молочное кошка не ест.

– Странная кошка. Я бы ел сметану целый день. Нам давали сметану в детском доме, но она была жидкая, как кефир. Я привык. Потом, когда увидел настоящую сметану, я не мог называть её сметаной, потому что в моём представлении сметана должна была быть жидкой. А ведь с ложными представлениями можно прожить всю жизнь.

– Нет, Петя, люди не дадут. Тебя же познакомили с настоящей сметаной.

– Я же не о сметане, я о более сложных вещах.

– О каких?

– Предположим, о божестве. Предположим, я атеист...

– Я сейчас вернусь, – сказала Дуся и хлопнула дверью.

В отдел культуры Рылов пришёл через неделю.

– Почему у вас нет телефона? – спросила Журавлёва так, словно Рылов специально не хотел иметь телефон.

– Мы стоим на очереди.

Журавлёву, конечно, телефонная очередь не интересовала.

– У нас появилась идея, – сказала она. – Давайте её обсудим.

– С удовольствием, – согласился Рылов.

Журавлёва позвонила:

– Юра, зайди, пожалуйста, у меня Пётр Андреевич.

Юра вошёл в джинсовом пиджаке. Сели за стол треугольником, переглянулись.

– Почему бы вам не организовать кооператив? – спросила Журавлёва.

– Вы же знаете, что такое кооператив? – спросил Юра.

– В общих чертах, – сказал Рылов.

– Это не страшно, мы поможем, – сказал Юра. – Кооператив замечательная вещь.

– Я слышал о платном туалете, правда, ни разу в нём не был. Кажется, это кооператив? – спросил Пётр Андреевич.

– В этом всё дело. Кооперативом может быть что угодно. Единственное условие – предприятие должно быть самоокупаемым, – сказал Юра.

– Платным? – уточнил Пётр Андреевич.

– Оно должно само покрывать свои расходы, – сказала Журавлёва.

– То есть быть платным? – повторил Рылов.

– Иметь собственный бюджет, – сказала Журавлёва.

– Надо так всё организовать, чтобы ваши картины приносили прибыль, – сказал Юра.

– Интересно, это как так организовать, чтобы картины приносили прибыль? Может, топить ими котельную?

– Вот видишь, – сказала Журавлёва, обращаясь к Юре.

– Пётр Андреевич, предположим, есть помещение. Мы развешиваем картины, устанавливаем небольшую плату за вход. Естественно, одной платы за вход будет недостаточно, и тогда мы организовываем внутри буфет. Люди посмотрели картины, и попили чай с пирожными, – сказал Юра.

– Тогда давайте завершим всё платным туалетом: посмотрели картины, попили чаю и сходили в туалет, – сказал Рылов.

Журавлёва подпёрла лоб растопыренными пальцами и смотрела в стол.

– Неужели вы не видите в этой идее ничего положительного? – спросил Юра. – Можно организовать просмотр слайдов, лекции по искусству, изостудию...

– И платный туалет, – вставил Рылов.

– Да, и платный туалет, – сказал Юра.

– В стране перестройка, – напомнила Журавлёва.

– Я не возражаю против перестройки, и против слайдов, и лекций, и изостудии. Я не возражаю даже против варьете и платного туалета. Только кто этим будет заниматься? Неужели я? Нет, увольте. Я всю жизнь собирал картины не для того, чтобы быть богатым. Я люблю живопись, я люблю художников, я люблю творческих людей. Единственно, что я хочу, чтобы картины были доступны обществу. Для этого, как мне казалось, достаточно сделать элементарное: организовать их хранение и демонстрацию. Почему для магазинов и кафе помещения находятся, а для картин нет?

– Потому что магазины и кафе приносят прибыль, – сказала Журавлёва.

– Мы же вам объясняем, как сделать, чтобы картины тоже приносили прибыль, – сказал Юра.

– Картины должны приносить духовную прибыль, – сказал Рылов.

– Мы это знаем не хуже вас, поэтому не надо заниматься демагогией, – сказала Журавлёва.

– Хорошо, в таком случае у меня к вам вопросов нет. Лично к вам, – Рылов показал рукой, в которой держал палку, на Журавлёву, – вопросов нет.

Это было похоже на угрозу. Журавлёва сжала губы. Ей хотелось вскочить и крикнуть: иди ко всем чертям, ты мне надоел хуже горькой редьки. Иди, и чтобы я тебя больше не видела. Но угроза была реальностью – старик пойдёт жаловаться к мэру. Пойдёт, козёл хромой.

Он не пошёл. Рылов берёт встречу с мэром как козырную карту и не торопился расставаться с последней надеждой. В тот день он застал дома Сашу и художника Петрова. Дуся успела напоить их чаем. На столе лежал свежий номер «Рассвета».

– Опубликовали статью о вашей коллекции, – сообщил Саша.

– Ну-ка, ну-ка, – освобождаясь от палки, Рылов надел очки.

Статью он прочитал по диагонали, замечая в каждом абзаце «прекрасный», «замечательный», «красивый». Было чёрно-белое фото картины. Скорее всего, пейзажа, потому что низ фотографии был тёмный, а верх светлый. Рылов вдруг почувствовал какую-то разоружающую слабость, равнодушие. Зоя перепутала фамилию, или ошиблись при наборе и вместо Рылов напечатали Рыжов. Он молча положил газету на стол, опять взял палку, сделал несколько тяжёлых шагов к окну. Дом был на окраине города, и с четвёртого этажа хорошо виден горизонт. Линия всегда была разной: то чёткой и ясной, так что казалось, можно дотянуться рукой и потрогать, как натянутую нить, то туманной, стёртой, то такой, как сейчас – загадочной, нежной, как кайма тонкой ткани на женской груди. Он оглянулся в сумрак комнаты.

– Мне предложили повесить картины в платном туалете. Там и дежурный всегда есть. Посещаемость будет великолепная.

В недоумении все молчали. Пётр Андреевич наслаждался впечатлением и небрежно добавил:

– Шутка.

– Всё-таки напечатали, – сказал Саша.

– Вы думаете, это поможет? – спросила Дуся.

– Не помешает, – ответил Саша.

– Написано, правда, ужасно, – сказал Петров.

– Что ты хочешь от Зойки, – сказал Саша.

– А чья там репродукция? – Рылов кивнул в сторону газеты так, словно ему неприятно, что она лежит на столе.

– Это я дал свою – какая разница, – сказал Саша.

– Действительно, – согласился Пётр Андреевич. – Но, как вам всё-таки идея с туалетом?

– Ты же сказал, что это шутка? – удивилась Дуся.

– Разве нельзя обсудить шутку? – спросил Рылов.

– Зачем? – спросила Дуся.

– Ну, как... мало ли. Вдруг шутка станет реальностью. Бывает же так.

– Не слушайте его, – сказала Дуся.

– А что, молодые люди, не хотите выпить водки? – он швырнул палку на тахту.

Ушёл на кухню и вернулся с бутылкой водки. Жестом показал, чтобы со стола убрали газету. Пока Дуся выносила закуску, Рылов потянул к столу кресло, удобно уселся в нём, несколько раз переваливаясь с боку на бок. Встряхнул головой, сбрасывая со лба длинные волосы.

– Я знал одного очень умного человека. Его звали Леонидом Марковичем. Естественно, он был евреем, – сказал Рылов.

– Петя, он не был евреем, иначе еврейкой была бы и я, – возразила Дуся, ставя на стол горчицу.

– Хорошо, он не был евреем, но умным человеком был?

– Он был хорошим человеком, добрым, честным, порядочным, – сказала Дуся.

– Да, да, но и очень умным. А ещё он был дальним родственником моей жены и когда её родители умерли – воспитал её. Дуся, почему твой дальний родственник не может быть евреем?

– Петя, мальчики подумают, что ты антисемит.

– Наоборот. Я уверен, что многовековое гонение евреев сделало эту нацию самой жизнеспособной, самой цивилизованной и умной. Если хотите знать, я очень жалею, что не еврей.

– Петя, хватит о евреях.

– Но я хотел рассказать про Леонида Марковича.

– Вот и рассказывай про Леонида Марковича.

– До войны он пел в театре оперетты. У него был тенор, но когда мы познакомились, Леонид Маркович шипел, как гусь. Дело было в Магадане. К тому времени он прожил там уже двадцать лет.

– Вы были в Магадане? – спросил Петров.

– Не только был, но и встретил там Дусю. Оказывается, глупость тоже может быть вознаграждена. В Магадан я попал по глупости. Мы с мальчишками в ФЗУ решили сделать винтовку, чтобы стрелять в степи сусликов. Так я и оказался в Магадане. Ну, а Дуся там уже жила. Мы познакомились в библиотеке. С тех пор запах книг – мой любимый запах.

– Ты собирался рассказать о Леониде Марковиче.

– У Леонида Марковича был свой дом и теплица, и мы ели в Магадане помидоры, – Рылов потянулся к столу и взял с тарелки дольку помидора. – Помидоры были вот такие, с кулак, но невкусные. Что они были невкусные, мы узнали с Дусей позже, когда

попробовали настоящих южных помидоров. Дело, конечно, не в них, а в том, что Леонид Маркович умел получать от жизни удовольствие. Представьте себе: человек, лишившийся семьи, певец, потерявший голос, холод, мрак, зэки, а он вносит в горшочки удобрения и делает это так, словно всю жизнь только об этом и мечтал. И пел он, даже без голоса, с закрытым ртом. Я много раз наблюдал, как он пел про себя и получал удовольствие. Смешной такой – маленький, с мохнатыми бровями и пучком волос в носу. А я был дурачком.

– Петя, то что ты был дурачком, никому не интересно, – сказала Дуся.

– Если бы я не был дурачком, я, может, так и остался в Магадане, работал бы в котельной кочегаром, выращивал бы помидоры и сельдерей, а по выходным рисовал бы «Утро в сосновом бору» или «Трёх богатырей». Они бы висели у меня в котельной. Потом я нарисовал бы их ещё раз и отдал бы в столовую. Когда-нибудь я начал бы продавать «утро» по пятьдесят рублей, а «богатырей» по сто. Но, главное, я был бы доволен собой.

– Кто тебе мешает быть довольным собой сейчас? – спросила Дуся.

– Сложный вопрос, – ответил Рылов.

– К чему ты всё это рассказывал?

– Не знаю. Хотел сказать ребятам, что жить надо с удовольствием, творить с удовольствием и не обращать внимания на гнусности. Умные люди именно так и поступают.

Рылов шёл по улице Ленина. Это была одна из центральных улиц. Сталинские дома, широкий тротуар под высокими каштанами. Впереди остановилась серая волга, открылась дверь.

– Пётр Андреевич.

В машине сидел мэр.

– Пётр Андреевич, подойдите на минутку.

Рылов торопился к машине. Палка выстукивала об асфальт.

– Мы же договорились, что вы зайдёте ко мне, – сказал Олег Владимирович, придерживая дверь.

– Неудобно, – сказал Рылов.

– Неудобно? Вы же сами настаивали.

– Просил.

– Настойчиво просили.

– Да. Что же я могу поделать, если без вас вопрос не решается?

– Я в курсе. Так когда вы зайдёте?

– Если можно, давайте сейчас.

– Нет, сейчас я еду на завод. Завтра перед обедом, часов в двенадцать можете зайти?

– Да.

Мэр протянул руку. Пётр Андреевич постоял, глядя, как удаляется машина. Листья на каштанах пожухли, кроны поредели. Тень на асфальте была похожа на паутину. Ну вот, – подумал Рылов. Это уже кое-что. Встреча его воодушевила. Он даже наклонился и поднял каштан. Каштан был тёплый от солнца и удивительно гладкий. Его приятно держать в руке, но Рылову хотелось во что-нибудь бросить каштан. Очень хотелось. Какой-то странный всплеск энергии. Чтобы избежать соблазна, Рылов спрятал каштан в карман.

– Дуся, я разговаривал с мэром.

– Ты же не собирался в исполком.

– Мы встретились на улице. Он проезжал мимо меня на машине и, представляешь, узнал.

– Тебя уже весь город узнаёт – шляешься целыми днями. Я хотела вымыть окно на зиму, но оно не открывается. Может, ты кого-нибудь попросишь, чтобы нам открыли.

- Что же не позвала своего соседа?
- Он в командировке.
- Откуда ты знаешь? Он тебе докладывает?
- Это ты не знаешь, что у нас в доме творится.
- А что у нас может твориться. Тут не сумасшедший дом, я надеюсь?
- Что тебе сказал мэр?
- Завтра у нас с ним состоится решающий разговор.
- Он так сказал?
- Мне так кажется.
- Да?

Рылов подошёл к окну и подёргал ручку.

- Разве мы за всё лето ни разу не открывали окно?

– Петя, с тобой никто не смог бы жить.

– Дуся, я и так знаю, что ты у меня ангел.

Рылов вдруг обнаружил в кармане каштан. Он положил его на подоконник.

– Дуся, завтра всё решится. Я чувствую.

– Петя, я тебя прошу, не настраивай себя. Потом будешь переживать, мучиться.

– Почему?

– Вдруг опять ничего не получится.

– Зачем в таком случае он остановился? Проехал бы мимо.

– Всё равно. Никаких надежд. Так будет лучше. В пятницу приезжает Наталья Ароновна. Ей может показаться, что кошка похудела. Подумает – не кормили.

– Да чёрт с ней, с кошкой. Нашла о чём беспокоиться. Она за это время десять килограммов сарделек сожрала. Неужели сын не уговорил её остаться в Израиле?

– Приедет, расскажет, – сказала Дуся.

Олег Владимирович разговаривал по телефону. Секретарша попросила Рылова подождать. Прошло минут пять. Олег Владимирович сам выглянул из кабинета, приглашая Рылова зайти.

– Здравствуйте. Проходите. Отопительный сезон на носу. Если бы вы знали, какая это головная боль.

– Понимаю, – сказал Рылов.

– Откуда? Даже я не понимаю, где взять новый котёл. Нигде, ничего, ни черта нет. Страна работает, а найти ничего нельзя. Ладно, перейдём к вашему вопросу. Я предлагаю такое решение: мы сейчас остались без директора краеведческого музея. Можно убить двух зайцев – вы становитесь директором, передаёте в фонды свою коллекцию и сами решаете, как её разместить. Во дворе музея есть подсобное помещение. Оно давно не ремонтировалось, протекает крыша. Запланируем на второй квартал следующего года капремонт. Здание, правда, без окон. Можно сделать хорошее искусственное освещение. Как вам такое предложение?

– Прямо скажу, неожиданное. Я получаю пенсию по инвалидности.

– Ну и что? Я же не предлагаю вам спускаться в шахту. Поработаете годика три, а там видно будет. Музей у нас хороший. Даже есть кандидат наук.

– И давно в музее нет директора?

– С прошлой недели. Но это вас не касается. Вы приходите – и руководите. Трудовая книжка у вас целая?

– Да.

– Вы дадите на неё взглянуть?

– Что же вы меня не предупредили, я бы взял её с собой.

– Ничего. Придётся во вторник на заседание исполкома и принесёте. Вы рассказывали, у вас есть опыт руководящей работы.

– Олег Владимирович, надо подумать, посоветоваться.

– Думайте до вторника и считайте, что вам повезло. Иначе даже не знаю, как быть с вашими картинами. Коммунальный фонд загружен на сто двадцать процентов. Вот пришло указание создать в городе ещё две комнаты школьника. Но у нас даже подвала свободного нет. Придётся голубеводов выселять.

Рылов опёрся руками о палку, склонил голову и задумался. Мэр закурил. Сощурил глаза от дыма.

– Идите домой и думайте. До вторника.

– Вы не хотите взглянуть на картины?

– Нет. Я ничего в этом не понимаю. Делать вид, тратить время. Зачем? Я читал в газете. Я разговаривал с нашим юристом. Он сказал, что стоимость картин можно не указывать, только перечень предметов дарения. Так какая в таком случае разница? Большие картины? – неожиданно спросил мэр. Видимо, размер единственное определение, которое он мог дать картинам.

– Не очень.

– Ну, какие? Такие, такие? – мэр поворочал в воздухе руками.

– В основном такие, – Рылов небрежно раскинул руки. Палка выскользнула и упала на пол. Он наклонился, поднял её. Мэр молча наблюдал.

– Я пойду? – сказал Пётр Андреевич.

– Да. Мне в половине второго надо быть у тепловиков. Отопительный сезон... – он сокрушённо покачал головой. – Вот где картина маслом.

Из исполкома Рылов сразу пошёл домой. Пересёк площадь с фонтаном. Голуби плотной стаей сидели на асфальте. Они вспархивали из-под ног и тут же садились, оглядываясь, боясь упустить момент, когда чья-нибудь рука бросит кусок мякиша. Пётр Андреевич так спешил, что голуби едва успевали уступить дорогу. Одного сизого разьевшегося голубя он даже зацепил палкой, всполошив остальных. Он повторял в мыслях всё, что было сказано у мэра. Не ожидал. Такого не ожидал. Чёрт знает, как трудно предугадать в этой жизни хотя бы что-нибудь. В троллейбусе женщина лет сорока уступила место. Рылов на минуту очнулся:

– Что вы, что вы, бога ради, – взмолился он.

Она ничего не ответила, только передвинулась по салону дальше. Кресло недолго оставалось свободным. Сел мальчишка.

Скверно, если бывшего директора музея выгнали со скандалом, подумал Рылов, словно он уже решил стать директором. С наступлением осени Пётр Андреевич ходил в плаще. В плаще и с тростью он ещё больше напоминал барина. На него оглядывались. От задумчивости на переносице возникала поперечная складка. Глубокая, как борозда. Девчонка с мусором посторонилась в подъезде, не поздоровавшись из робости. Рылов не обратил внимания. Он даже не почувствовал на лестнице одышки. Вошёл в квартиру, поставил в угол палку, снял плащ, вывернув наизнанку рукава. Начал вправлять их назад. Плащ не слушался. Дуся мягко выдернула плащ из рук Петра Андреевича, вправила рукава и повесила на вешалку. Рылов пригладил волосы.

– Рассказывай, – коротко сказала она.

– Никогда не догадаешься, – сказал он.

– Я не собираюсь гадать, рассказывай.

– Мне предложили должность директора музея.

– Какого музея?

– Краеведческого. Ирония судьбы. Через сорок лет как я окончил географический факультет.

– Петя, причём тут твой географический факультет? Вы о картинах говорили?

– Я хотел быть историком, но с моей биографией меня могли принять только на естествознание.

– Вы о картинах говорили?

– Дуся, да. Картины будут переданы в фонды музея, а дальше надо думать, как их показывать. Я так спешил домой, мне так нужно знать твоё мнение.

– Подожди. – Дуся села в кресло, обхватив лоб ладонью. Она тёрла лоб средним пальцем, словно помогая мозгам шевелиться.

– Хорошо, картины попадут в фонды музея, но зачем становиться директором. В твоём возрасте, с твоею болезнью, такая обуза, Петя.

– Я так понял, что это условие.

– А ты уверен, что правильно понял?

– Дуся, не знаю.

– Странно. Я не вижу никакой связи. Он что – настаивал?

– Нет. Пока нет, но сказал, что другого решения нет.

– Всё. Садимся обедать. Потом подумаем.

– Действительно, странно. Разве не проще сделать меня каким-нибудь смотрителем, – сказал за столом Пётр Андреевич. – Мне самому эти руководящие должности вот где.

– Мы уже пять месяцев в Алексеевске и не догадались сходить в краеведческий музей, – сказала Дуся.

– Мы обязательно сходили бы позже.

– Да. Но теперь мы пойдём в музей завтра. Ты знаешь, где он находится?

– Нет.

После обеда Рылов лёг. Обычно он засыпал. Храпел так, что иногда стучали со всех сторон. Чаше других стучала соседка сверху. При встрече в подъезде она смотрела на Рылова, как на слона: со страхом, любопытством и жалостью. Но помалкивала. Приятная женщина. Неужели ей так слышен храп? Рылов положил под затылок руку.

– Я оставила конфорку включённой – холодно в квартире, – сказала Дуся, присаживаясь рядом.

– Тогда надо класть на неё кирпич. Помнишь, мы так делали в Дербенте.

– Где же я возьму тебе здесь кирпич?

– На клумбе. Если хочешь, сейчас принесу, – Рылов оторвал от подушки голову.

– Лежи, ради бога. И ответь мне только на один вопрос: тебе хочется опять быть директором?

– Да мне никогда не хотелось быть директором. Дом творчества, народный театр, пионерский лагерь...

– Не напоминай мне про пионерский лагерь.

– Хорошо, не сердись. Скажи, соглашаться или нет?

– Нет.

– Завтра пойду и откажусь.

– Объяснишь, что ты не можешь по состоянию здоровья.

– А картины?

– Что картины? Картины будут лежать у них в подвале, пока не съедят мыши.

– Дуся, так может в этом всё дело. Если я буду директором, картины не съедят мыши.

– Надо завтра же посмотреть на этот музей, – сказала Дуся.

Приехала Наталья Ароновна и пригласила Рыловых в гости. Дуся ждала, когда вернётся Петя. Пётр Андреевич искал в городе шампанское. Обегал все центральные магазины и ни с чем вернулся домой.

– Какой же из тебя будет директор, – покачала головой Дуся.

Рылов не ответил. Устал. Лёг отдохнуть.

Дуся присела на край.

– Ты обиделся?

– Нет.

– Тогда собирайся. Я когда-то купила в аптеке бутылку бальзама. Думаю, он нам больше подойдёт.

– Почему же ты молчала?

– Ну, это тебе вздумалось покупать шампанское.

– Удивительная страна – чем ближе к коммунизму, тем меньше в магазинах товара.

– К какому коммунизму! Уже лет двадцать молчат про коммунизм. Петя, одевайся.

– Сейчас, Дуся, устали ноги.

Спустились на второй этаж. У Натальи Ароновны была такая же двушка. Трёхцветная кошка дико сверкнула глазами. Запрыгнула на спинку дивана и выхаживала вдоль ковра, впиваясь когтями в покрывало. Рылов помог отодвинуть от стены стол.

– Сколько за этим столом проверено тетрадок, но сейчас у меня осталось шесть часов в неделю и я успеваю всё сделать в школе, – сказала Наталья Ароновна.

Рылов не взял с собой палку и теперь не знал, чем занять руки. Хотел погладить кошку, но та отмахнулась лапой.

– Осторожно, может поцарапать, – сказала Наталья Ароновна.

– У меня она пряталась под диван, – сказала Дуся.

– Ах, большое спасибо, что вы за нею приглядели. Я так вам благодарна. Одну минуту, я привезла вам небольшой сувенир. Это кремы из грязи Мёртвого моря. Обещаю, что с ними вы помолодеете на двадцать лет. Во всяком случае, так обещали мне.

Дуся тут же понюхала флаконы.

– Ах, замечательно.

– Если без шуток – помогают от артрита, снимают боли, – сказала Наталья Ароновна.

– Представляешь, Петя. Как раз для тебя, – сказала Дуся.

Сели, на столе оказалась бутылка водки.

– В Израиле пьют водку? – спросил Рылов.

– Пьют, – ответила Наталья Ароновна. Она наклонилась к Рылову и похлопала его по руке. – Я думаю, её кругом пьют. Мой сын ничего не пьёт, даже пива, но он, скорее, исключение из правил. Я даже не знаю, почему. Мы ему особенно не запрещали. Правда, муж тоже не был любителем выпить.

– Ничего другого я о вашем сыне и не могла подумать, – сказала Дуся.

– Жаль, вы его не видели. Да, что же я, я привезла целую пачку фотографий. Не хотите посмотреть?

– С удовольствием, – сказала Дуся.

Рылов обречённо полез за очками. Фотографии были на японской бумаге, красочные. У сына Натальи Ароновны полная жена, двое детей – мальчик и девочка. Бабушка рядом с ними маленькая и растерянная. На всех фото она как-то сбоку, и только на одной фотографии, где вся семья в белой квартире, она сидела на белом диване – в центре, как патриарх.

– В Израиле жарко, и я всё время пряталась в тень, – сказала Наталья Ароновна.

– По лицам видно, что семья у вашего сына дружная и счастливая, – сказала Дуся.

– Вы знаете, мне не хотелось бы, чтобы у вас сложилось впечатление, что там нет проблем. Перед камерами все улыбаются. Естественно по сравнению с нами они живут почти в сказочном мире, но за сказочный мир нужно платить. Володя очень много работает. Все фотографии, где он есть, сняты практически в один день. А так он всё время в клинике. И потом, эта война. Всюду охрана: в магазинах, школах, детских садах. Даже на автобусных остановках. Надо привыкнуть. Ко всему надо привыкнуть. Там всё так не похоже. Я приехала сюда, а тут уже холодно – в квартире не могу согреться.

– А вы не пробовали включить газ и положить на конфорку кирпич? – спросил Рылов.

– Что вы. Так же легко отравиться газом, – испугалась Наталья Ароновна.

– Можно открыть форточку, – сказал Пётр Андреевич.

– Тогда какой смысл жечь газ? – спросила Наталья Ароновна.

– В самом деле, – сказала Дуся.

– Мне кажется, всё равно будет теплее, – сказал Рылов растерянно.

– У вас не было желания там остаться? – спросила Дуся.

– Я сейчас вам всё объясню. Пётр Андреевич, почему вы не пьёте водку. Я специально для вас купила. Не бывает такой болезни, при которой нельзя выпить пару рюмок водки, – сказала Наталья Ароновна.

– Одному как-то... – пожал плечами Рылов.

– Я вам составлю компанию. Да что там – давайте все выпьем. Так я вам скажу, только не говорите пока соседям – я таки уеду. И дело не в том, хочу я ехать или нет. Старики в Израиле получают очень хорошую пенсию. Есть семьи, которые живут исключительно за счёт стариков. Поэтому сын попросил меня переехать к ним. Он не так будет бояться потерять работу. Другой вопрос – долго ли мне осталось жить. Они надеются, что я ещё поживу.

– Как замечательно, что у вас есть сын, – сказала Дуся. – Вам, наверно, здесь одиноко?

– Ах, милая, я дома, – ответила Наталья Ароновна.

– Это то, чего у нас никогда не было, – сказал Рылов.

– Вы ещё молодые, – сказала Наталья Ароновна.

– Какие же мы молодые, – возразила Дуся.

– У вас есть планы. Вы заняты своими картинами.

– Пете предложили стать директором музея, – сказала Дуся.

– Вот видите. Ни в коем случае не отказывайтесь. Это добавит вам бодрости, – сказала Наталья Ароновна.

– И головной боли, – сказала Дуся.

– Всё равно не отказывайтесь. Придёт время, когда уже никто ничего не предложит. Это произойдёт само собой. Меня не было в школе два месяца, и, знаете, странное чувство, мне показалось, что меня уже никто не ждал. Все смотрят так... подозрительно, словно я умерла, а потом воскресла. А что мне здесь делать без школы?

– Вы же дома, – сказал Рылов.

– Конечно, дома. Ощущение дома особенно острое, когда в него возвращаешься. Но расскажите про музей. Это будет музей картин?

– Нет, это ваш краеведческий музей. Просто его предполагается расширить за счёт нашей коллекции, – сказал Рылов.

– По-моему, удачное решение. Кому это пришло в голову? Неужели нашей власти? – сказала Наталья Ароновна.

– Мне об этом сказал мэр.

– Он, кажется, был завгаром. От завгара трудно ждать особого внимания к интеллигенции. Я вам скажу больше: с тех пор, как из города уехали евреи и немцы, атмосфера стала не та. Всё-таки они задавали тон. Особенно в сфере обслуживания. А обслуживание – это то, что люди замечают в первую очередь. Я могу судить по Израилю. С чем связаны мои впечатления от Израиля? Да с тем, как меня встретили в аэропорту, как обслужили в магазине, парикмахерской.

– Неужели в Алексеевске было много евреев? – спросил Рылов.

– Много было до войны, а после войны – те, кто остались, – ответила Наталья Ароновна.

– Вы жили здесь до войны? – спросила Дуся.

– Я родилась в Алексеевске.

– Представляю, как вам трудно решиться уехать отсюда, – сказала Дуся.

– Думаю, не представляете. Но что это мы опять о грустном. Вы знаете, что мои внуки говорят уже на трёх языках: русском, иврите и английском. Я так рада, что они знают русский.

Кошка сидела на спинке дивана и невозмутимо смотрела на Рылова. В её жёлтых глазах отражался свет. Казалось, за всё время она ни разу не моргнула. Только водила ушами, улавливая звуки. В чай добавили по ложке бальзама. Наталья Ароновна похвалила запах. Расстались часам к девяти. Рылову страшно хотелось спать. Водка в малых количествах всегда действовала на него как снотворное. Выпить пару рюмок и поесть. Хорошо, что после этого не надо далеко идти. Поднявшись в квартиру, он не мог сказать ни слова. Лёг и уснул.

На следующий день он должен был побывать у Петрова. Петров ждал его в оформительской мастерской. Оттуда они проехали несколько остановок троллейбусом и ещё шли минут двадцать узким тротуаром вдоль деревянных заборов, за которыми то и дело раздавался собачий лай. Лай, словно эстафетная палочка, передавался от одного двора в другой, меняя тональность и степень озлобленности. Поверх заборов торчали голые ветки фруктовых деревьев. Петров привёл к небольшому, явно запущенному дому. Белая побелка посерела, глина потрескалась. Краска на фронте свернулась в мелкие чешуйки.

– Это дом моей бабушки, – сказал Петров .

Петра Андреевича поразило, что он сказал «бабушки», а не «бабки», как обычно говорит молодёжь.

– Она умерла пять лет назад, и я занял дом под мастерскую. Удобно, никто не мешает. Правда, зимой нужно топить печку.

В доме было грязно. Стены ободраны, углы в паутине, возле печки свален бумажный и картонный мусор. Выдавленные тюбики красок валялись на столе и на затоптанном полу. На всех стенах почти вплотную висели картины без рам, и вдоль стен на полу стояли картины. Был тут какой-то диванчик с грязными тряпками и старым свитером, пара стульев, табуретка с палитрой. Ничего необычного. Рылов не раз видел подобное. Но в серый ноябрьский день, у чёрта на куличках, в городишке среди алебастровых карьеров и крутых балок всё было так никчемно. На мольберте, с лохмотьями краски на подставке, тоже стояла картина. Петров расчистил угол дивана и предложил Рылову сесть. Рылов не сразу узнал его имя, потому что по имени к нему никто не обращался. Может, Петров сам стеснялся имени Вася, может, оно казалось ему слишком заурядным, деревенским. Рылов говорил Петрову: «молодой человек».

– Так, так, – сказал Рылов, подбадривая себя самого.

– Ну, вот. Тут я мажу, – сказал Петров.

Рылов пробежался глазами по развешанным картинам. В одних Петров подражал Дерену, в других узнавался Фальк.

– Вам нелегко. Вы противопоставляете себя обывательскому вкусу, – сказал Рылов.

– Да. Обывательский вкус – это то, с чем я борюсь, – ответил Петров.

– И как успехи? – спросил Рылов.

– Я не сдаюсь, – сказал Петров.

– Ну, а что бы вы назвали своей победой?

Петров пожал плечами. Подумал.

– Признание коллег, но в городе нет художественной среды, просто какое-то болото.

– Я слышал это много раз, – сказал Рылов. – Но не могут же все художники жить в Москве.

– Всё равно все мечтают попасть в Манеж.

– Так, может, это и будет победа?

– Может быть, – согласился Петров. – Только мне ещё далеко до неё.

– Вы молоды, – сказал Рылов и вспомнил Наталью Ароновну. Все мы говорим банальности, – подумал он.

– Вы дадите что-нибудь в нашу коллекцию? – спросил Пётр Андреевич.

– Конечно. Выбирайте, что вам нравится.

– Мне всё нравится.

Рылов встал и подошёл к картинам, разглядывал. Над дверью висел небольшой этюд, написанный ещё до знакомства с постимпрессионизмом: поле, нахмурившееся небо, кучка тонких деревьев. Рылов оглянулся на Петрова.

– Нет, только не эту, – сказал Петров.

– Понятно. Тогда выберите сами.

По дороге домой Рылов встретился с Юрой. Юра был в кожаной куртке и пыжиковой шапке. В пакете сдержанно звякнули бутылки. Юра улыбнулся и тихо признался:

– Достал шампанское.

3.

Недели через две Рылов шёл по улице Артёма. Погода была противная. Хмуро, под ногами слякоть. В полдень в магазинах зажжён свет. Кто-то его окликнул. Рылов посмотрел вокруг. У плеча вынырнул маленький часовщик. Он был раздет.

– Пётр Андреевич, вы не зайдёте ко мне?

Рылов догадался, что Абрамов увидел его в окно своей мастерской и специально выбежал на улицу. Отказаться неудобно. Они вошли в стеклянную дверь, на которой среди виньеток было написано: «ремонт часов». Скорее прихожая, чем комната, перегороденная барьером, за которым обычно часовщик принимал клиентов. Он закрыл на задвижку дверь, крутнул табличку с надписью: «открыто», «закрыто» и предложил пройти в следующую комнату. Всё, как обычно у часовщиков – стены в часах: с маятниками, без маятников, в деревянных корпусах, пластмассовых, с кукушками, гирьками. Несколько старых столов и таких же старых тумбочек, заставленный какой-то мелочью. В самом углу два тёмных кресла, журнальный стол. Статуэтки, брелки, значки, старинные открытки. Посредине комнаты узкий проход, ширма.

– Я ждал, что вы ко мне заглянете, – сказал Валентин.

Рылов сокрушённо пожал плечами.

– А у меня к вам разговор. Садитесь вот сюда. Чай?

– Не беспокойтесь.

– Погода мерзкая.

Абрамов скрылся за ширмой. Было слышно, как он стучит посудой. На оконном стекле была нарисована жар-птица с репродукции Билибина и с двух сторон крупная надпись: «ремонт часов». За окном шли люди. Чашки, сахарница, блюда были из немецкого фарфора, но из разных сервизов. Чайные ложки из потемневшего серебра. В каждом движении Абрамова ощущалась заботливость. Рылов, поддавшись этой заботливости, аккуратно поставил палку к креслу, освобождая руки для немецкого фарфора.

– Я слышал, вы без пяти минут директор музея, – сказал Валентин.

– Да. Это вышло неожиданно. Я даже не совсем понимаю, что с этим делать.

– Я так и думал.

– Почему? – удивился Рылов.

– Что вы знаете о его сотрудниках?

– Ничего.

– Ну, может быть, обо всех сотрудниках и не надо знать всё, но кое о ком... не мешало бы.

– Почему вас это беспокоит? – спросил Рылов.

– Беспокоит? Совсем не беспокоит, – Абрамов погладил пальцем чашку.

– А вы с кем-то знакомы из музея? – спросил Рылов.

– Некоторых знает весь город.
– Вы имеете в виду кандидата наук?
– Смотрите, – Абрамов потянулся к столу напротив и взял в руки фаянсовую статуэтку. – Первокласник. Такие выпускали в пятидесятые, шестидесятые годы. Мне подарила одна бабулька, а я бесплатно отремонтировал ей часы.

Рылов взял статуэтку и повертел в руке. Потом поставил возле сахарницы.

– У меня у самого такая была – не помню, куда делась, – сказал он.

– Да они в каждом доме были. Массовое производство. Но пройдите сейчас по квартирам – все скажут, куда-то делась. Массовое копеечное производство никто не бережёт.

– Ну да. Вы знаете, с картинами происходит что-то подобное. Сколько написано хороших советских картин. Передовики, строители, доярки, пионеры – это же всё куда-то денется, как ваш первокласник.

– Не всё. В том-то и дело, что не всё. Останется ровно столько, сколько нужно, чтобы иметь стоимость. Поэтому мечта любого коллекционера – обладать единственным экземпляром.

– Да, но при чём тут музейные работники? – спросил Рылов.

– Вы, может, думаете, что они не имеют никакого отношения к коллекционированию?

– В музее есть ценные экспонаты? – спросил Рылов.

– Конечно, есть, и как только что-то попадает в музей, оно становится недоступным коллекционерам. У вещи появляется паспорт и прописка. Ну? Вы понимаете? На том, чтобы вещь не засветилась, можно хорошо заработать. Вы слышали что-нибудь о чёрных археологах?

– Вы хотите сказать, что в музее проделывают эти фокусы?

– Прodelывают. Ещё и как.

У часовщика были такие чистые залысины, что они блестели, как стекло.

– Почему вы решили мне об этом рассказать? – спросил Рылов. Он весь ослаб. Обычно так бывало, когда поднимался в крови сахар или наворачивалось какое-нибудь беспокойство. Чашка в руке раскачивалась, и Пётр Андреевич поставил её на стол.

– Я не хочу, чтобы Згурский втянул вас в свои махинации.

– А почему вы этого не хотите?

– Потому что Згурский... он сам ничего не коллекционирует, он спекулянт.

– А мне говорили – он кандидат наук.

– Брошюрки, трипольская культура, бронзовые наконечники, черепочки. Кто там, в степи, проследит, что он выкопал на самом деле.

Абрамов усмехнулся каким-то злобным оскалом.

Рылов вышел на улицу и решил, что он никогда не будет ходить мимо этой мастерской. К обеду возвратился домой.

– Ты представляешь, Наталья Ароновна повезла свою кошку в Харьков. Она хочет забрать её с собой в Израиль. Для этого надо сделать все прививки и оформить на кошку документы, – сказала Дуся.

– Наверно, кошкам в Израиле тоже платят хорошие пенсии, – хмуро сказал Пётр Андреевич.

– Я сегодня отправила письмо Шаповаловым.

– И о чём ты им написала?

– Что, возможно, мы приедем.

– Вот как!

Ели молча и потом до самого вечера почти не говорили. Стемнело рано. Перед тем, как задёрнуть шторы, Рылов смотрел на горизонт. Трудно было поверить, что там, за толщей облаков, только что село солнце. Пейзаж погружался, как в воду, в буро-синюю мглу.

– Дуся, тебе не кажется, что осень здесь очень длинная. Помнишь, в Магадане – не успеет кустарник побагроветь, как уже сыпется снег. И вообще, в Магадане мы были молоды. Может, в этом всё дело?

– Конечно, в этом.

– Значит, время важнее места. И вот что обидно – место мы выбираем, а время не выберешь.

– Петя, не разъедай себя.

– Кажется, пошёл дождь. Говорят, здесь тоже бывают грибы, представляешь. Говорят, можно пойти в ближайшую посадку и насобирать грибов.

– Теперь ты занятый человек.

– Да. Завтра в десять собрание.

Перед собранием Рылов пришёл в исполком к Журавлёвой.

– Пётр Андреевич, я хотела сама представить вас коллективу музея, но через час приезжает делегация из Котбуса, поэтому вместо меня с вами ходит Юра. Вы не возражаете?

От исполкома до музея было минут пятнадцать ходьбы. Юра был в кожаной куртке, кожаных перчатках и туфлях с острым носком. Он аккуратно обходил грязь и лужи. Рылов посмотрел на него сбоку и увидел на виске крупную выпуклую родинку, которую раньше не замечал. Юра улыбнулся.

В музее был небольшой актовый зал с крошечной сценой. На заднике портрет Шевченко со строкой из «Заповита». Два узких окна выходили во двор. На газоне стояли скифские бабы и лежало мельничное колесо. Сотрудников собралось человек двенадцать. Некоторых Рылов уже знал: Згурского, Звягинцева. Згурский был похож на Некрасова. Носить такую бороду мог только очень самоуверенный человек. Он был лет на пять моложе Рылова, но борода превращала его в старика. К тому же он был медлителен, шаркал ногами, полы пиджака висели до самых колен. У Звягинцева очки с толстыми линзами. Подслеповатость, наоборот, лишала его всякой уверенности. Оба были старшими научными сотрудниками. Остальные – младшими. Был технический персонал. В основном все женщины. Юра поулыбался всем, потом сделал серьёзное лицо и сказал, что Рылов Пётр Андреевич будет исполнять обязанности директора. Пожелал успехов и ушёл. Следом встал и пошёл в свой кабинет Згурский. Минут через пятнадцать Рылов постучался и вошёл к Згурскому. Згурский поднял глаза, откинулся на спинку стула. Если бы он был в жилете, легко представить, как он вставил бы в карманы жилетки пальцы.

– Пётр Андреевич, или как там вас, я противник того, чтобы вы были директором музея.

– Я тоже не в восторге от такого подарка судьбы.

– Так в чём же дело, что вам мешает отказаться?

– Судьба и мешает.

– Бросьте, вы верите в судьбу? Мне всё равно. Я вам объясню, почему я против вас. Ничего личного. Просто я считаю, что директором краеведческого музея может быть только человек, связанный с этим краем и хорошо его изучивший. Вы варяг.

– В таком случае, что вам мешает быть директором? С меня достаточно было бы должности сторожа.

– Я не могу быть директором. Во-первых, я занимаюсь научной работой, во-вторых, сезон раскопок длится несколько месяцев. Вы видите эту вазу? Это ваза древних финикийцев. Мы нашли её недалеко от Саур-Могилы. А вот на этой полке мои книги.

– Замечательно. Тогда, может, вы знаете, кто должен быть директором?

– Я знаю, что не вы.

– Понятно, – сказал Рылов и вышел.

Кабинет директора был необжитой. Никаких признаков прежнего хозяина. Не было даже случайного листка бумаги с его почерком, не говоря уж о заваливавшейся ручке, календарике или упаковке от валидола. Тем более не было стоптанных туфель, халата,

очков без дужки, посуды. Не было герани или столетника на подоконнике. Вошла младший научный сотрудник Литвинова и спросила, можно ли ей, как и раньше, приходить на работу на девять часов.

– Конечно, – ответил Рылов, не задумываясь. – Вы не могли бы позвать ко мне Звягинцева.

– Сейчас позову, – сказала Литвинова, не спуская с Рылова глаз.

Пришёл Звягинцев. Линзы очков были настолько выпуклыми, что глаза в них становились похожи на яичницу.

– Вы тоже думаете, как Згурский? – спросил Рылов.

– А как думает Згурский? – спросил Звягинцев.

– Вы не знаете, как думает Згурский? – улыбнулся Рылов.

– Я не знаю, как думает Згурский, – улыбнулся Звягинцев.

– Зато я уже знаю. Он думает, что директором краеведческого музея может быть только краевед.

– Мало ли кто из нас что думает, – ответил Звягинцев.

– Но Згурский человек в городе авторитетный.

– Наш музей основала Гофман Лариса Абрамовна чуть ли не в собственной квартире, и он долго оставался на общественных началах.

– Где она сейчас?

– Её уже нет.

– А кто был директором до меня?

– Грачёв Александр Павлович. Пенсионер. До музея он был директором кинотеатра «Мир».

– Долго он был директором музея?

– Года три. У него большое сердце. Два инфаркта.

Рылову показалось, что он услышал запах валерьянки.

– Так вы говорите, мнение Згурского ничего не значит?

– Смотря о чём. Если речь идёт о трипольской культуре – в этом он специалист.

– Вы же знаете, для чего я здесь?

– Слышал. У вас коллекция картин?

– Как вы думаете, реально в картохранилище сделать художественную экспозицию?

– Если захочет мэр.

– Послушайте, а этот, Грачёв Александр Павлович, чем он занимался в этом кабинете?

– Спал.

– Прямо на стуле?

– Нет. В том углу стояло кресло. Его кто-то забрал.

– Как прошло собрание? – спросила Дуся.

– Помнишь, во дворе музея лежит каменное колесо? Так вот, это жернов и ему четыре тысячи лет.

– Кто это знает, сколько ему лет? – сказала Дуся.

– Специалисты. В музее есть очень хороший специалист по древним жерновам.

Рылов выполнял данное себе слово и обходил часовую мастерскую по другой стороне улицы. Невольно он смотрел на окно с жар-птицей. Ярko горели на стекле золотистые перья. Рылов увидел, как в двери мастерской вошёл Згурский. Перепутать Згурского нельзя. Бородка, старицкая сутулость и запрокинутая назад голова, как у селезня. Он вошёл в мастерскую уверенно и даже привычно. Рылов от неожиданности остановился. Девушка сзади едва успела сделать шаг в сторону. Она зацепила Рылова локтем и оглянулась. Лицо у неё красивое, но надменное, как у царицы. Понятно,

Згурский и этот часовщик хорошо знакомы. Какого чёрта он валял со мной дурака, подумал Рылов, что они от меня хотят? У этих местных есть преимущество. Но я же ничего не собираюсь у них отнять. Дуся написала Шаповаловым. Если Дуся написала Шаповаловым, значит, она почувствовала. Дуся, Дуся... Рылов думал, медленно двигаясь по тротуару. Как могло придти им в голову приехать сюда, где их никто не знает? Почему они думали, что они кому-нибудь нужны со своими картинами? Они же не дети. А что если взять и войти в мастерскую. Что они там делают? И что будут говорить, увидев меня? Мастерская осталась за спиной. Чтобы увидеть ещё раз жар-птицу, нужно оглянуться. Рылов не оглядывался. Неожиданно для себя он оказался на центральной площади. Зашёл в здание исполкома, поднялся на пятый этаж в отдел культуры. Журавлёвой не было. Рылов нашёл Юру. Юра в бухгалтерии пил чай. Он стоял, опершись задом о подоконник. Улыбался, что-то рассказывая. В бухгалтерии было несколько столов, несколько женщин. Из чашки шёл пар, и одеты были все в тёплое. На Юре белый свитер с серыми ромбами. Рылов поздоровался.

– Юра, можно с вами поговорить?

Они зашли в кабинет специалиста первой категории. Очень маленькая комнатка со столом и кипами папок. Рылов сел. Юра протиснулся вдоль стены к столу. Взял на столе лист бумаги, посмотрел, что на нём написано, и подложил листок под чашку с чаем.

– Вникаете? – спросил он.

– Вникаю.

– Что скажете?

– Где Журавлёва?

– Уехала в Донецк. Зачем вам она?

Рылов посмотрел на Юру долгим взглядом.

– Не знаю, как вам сказать. Мне не нравится вся эта история.

– Какая? – удивился Юра.

– Что мы с вами затеяли.

– Мы ничего не затевали.

– Да, это правда. Вы ничего не затевали. Это всё мы с Дусей. Но теперь мне это не нравится.

– Вы передумали дарить картины?

– Причём тут картины.

– Кстати, вы обратили внимание, что никто, ни разу не спросил, откуда у вас столько картин?

– Почему? Многие спрашивали.

– Многие, да не те.

– Что вы имеете в виду?

– Пётр Андреевич, я сразу заметил, что вы хотите выдать себя за простака, а ведь коллекционеры простаками не бывают.

– Вы подтвердили мои самые горькие сомнения, – сказал Рылов и ушёл.

Вечером к Рыловым пришла Наталья Ароновна. Пришла по-домашнему в халате. Сели пить чай. Перед чаем Рылов налил по рюмке коньяка. Коньяк ему попался в магазине случайно. Обсудили свойство коньяка расширять сосуды. Потом поговорили о погоде. В Израиле в домах нет центрального отопления, и их плюс двенадцать хуже наших морозов.

– Вы знали Гофман Ларису Абрамовну? – спросил Рылов.

– А как же. Она преподавала русский язык и литературу. Правда, в одной школе мы с нею никогда не работали. Вам что-то о ней рассказывали?

– Говорят, она была организатором и первым директором музея.

– Да.

– Как это у неё получилось?

– Тогда было другое время, было больше порядка. Нельзя сравнивать.

– Оказывается, имеет значение, что ты чужак, – сказал Рылов.

– А как же. Гофман весь город знал. У вас тоже всё получится.

– Надеемся, – сказала Дуся.

– У вас всё получится. Я бы никогда не уехала из Алексеевска, если бы это не было нужно Володе или если бы был жив Лёня. Кто теперь присмотрит тут за его могилой? Я иногда думаю – не лучше ли умереть, чтобы меня похоронили рядом.

– Господь с вами, – махнула рукой Дуся.

– Мне кажется, он бы не одобрил, что я уезжаю, – сказала Наталья Ароновна.

– Откуда это можно теперь знать, – сказала Дуся.

– Лёни нет три года, а я продолжаю жить, как будто он есть. Разговариваю с ним. Готовлю, как раньше, на двоих. Мне кажется – он смотрит вместе со мной телевизор. Я даже слышу, что он возмущается какой-нибудь программой. Не могу вам пожелать ничего лучшего, как умереть в один день. Только пусть это произойдёт лет через пятьдесят.

– Слышишь, Дуся, пятьдесят лет! Что мы будем делать в Алексеевске пятьдесят лет?

– Добиваться помещения для картин, – сказала Дуся.

– Первые годы музей был по Советской в помещении бывшей типографии. А начинался он из одного единственного экспоната, – сказала Наталья Ароновна.

– Из мельничного колеса четвёртого тысячелетия до нашей эры, – сказал Рылов.

– С чего вы взяли? Нет. Это был огромный омар.

– Омар? – удивилась Дуся.

– Да. Бывший ученик Гофман стал капитаном дальнего плавания и, как-то, на очередную встречу выпускников привёз омара. Я не знаю, какие омары на самом деле, но этот был красного цвета и величиной с хороший веник. Сначала он висел в ящике под стеклом в учительской, а когда возник музей – перекочевал туда.

– Петя, мы не видели никакого омара, – сказала Дуся.

– Может, он уже рассыпался? – сказала Наталья Ароновна.

– Надо расспросить у сотрудников, – сказал Рылов.

– Как вас встретили в музее? – спросила Наталья Ароновна.

– Я же вам говорю – чужаков не любят, – сказал Пётр Андреевич.

– Это на первых порах. Потом все поймут, кто вы на самом деле, – сказала Наталья Ароновна.

– Большинству, как всегда, всё равно, но есть отдельные экземпляры... – сказал Рылов.

– Я даже знаю, кого вы имеете в виду. У Згурского репутация тяжёлого человека. В десятой школе от него еле избавились, – сказала Наталья Ароновна.

– Как вы догадались?

– Ну, кто не знает Згурского.

– Говорят, он хороший специалист, – сказал Рылов.

– Если бы он не лез не в свои дела.

– В какие дела? – спросила Дуся.

– У него есть манера всех контролировать, за всеми следить. Вы не обращайтесь на него внимания. В конце концов, что он вам? Пусть занимается своими черепками. Люди будут на вашей стороне.

– Люди, люди... – Рылов потянулся к коньяку.

– В Челябинске я работала в большом книжном магазине. Однажды вошёл молодой человек и начал листать художественные альбомы, монографии по искусству. Долго листал. А там были дорогие издания. В конце концов, выбрал копеечный набор открыток и подошёл к кассе. Его руки так воняли селёдкой. Он перепачкал ими все книги. Я готова была его убить. Позже мы познакомились. Помнишь, Петя? Он оказался замечательным художником. У нас есть его картина. Так что судить о людях сложно. Бывает масса недоразумений, – сказала Дуся.

– Вы правы, – согласилась Наталья Ароновна.
– Ты поставил меня в невыгодное положение, – сказала Дуся, когда Наталья Ароновна ушла.
– Чем? – спросил Рылов.
– Ты занимаешься своими картинами, а мне остаётся только переживать. У Шаповаловых свободная дача, – сказала Дуся.
– Ты думаешь, в Алексеевске у нас ничего не получится?
– Всё гораздо сложнее, чем мы с тобой думали. Даже художники о нас забыли. Даже Саша не приходит.

– Надо же, лёгок на помине, – сказал Рылов.
В кабинет вошёл Саша. На нём была огромная шапка из какого-то длинношёрстного меха. В ней он был похож на абрека. Саша сел и положил шапку рядом. Она заняла весь стул, словно маленький медвежонок.
– Вчера мы с Дусей вспоминали о тебе.
– Не злым, тихим словом?
– Конечно. Отчего нам на тебя злиться? Забыл, конечно, стариков, но с молодыми это случается.

– Что тут у вас? – Саша обвёл кабинет взглядом.
– Вот, – неопределённо сказал Рылов.
– Значит, остановились на картохранилище?
– Да.
– Сарай.
– Приведём в порядок. Как дела у тебя?
– У меня – замечательно.
– Ну-ну, расскажи.
– Пишу.
– Действительно, замечательно.
– Две работы взяли на областную выставку.
– Я их видел?
– Нет, из новых.
– Поздравляю.
– Вы думаете, из этого сарая что-нибудь получится?
– Надеюсь, – сказал Рылов.
– Алексеевск дыра, – сказал Саша.

Рылов промолчал. В кабинет вошёл Звягинцев. Пуговицы на его кофте были застёгнуты так, что полы не совпадали. Он поздоровался с Сашей за руку.

– Я к вам, – сказал Звягинцев, обращаясь к Рылову. – Меня попросили подготовить для редакции материал о первой городской электростанции.

– Готовьте, – Рылов пожал плечами. Хотел сказать о неправильно застёгнутых пуговицах, но промолчал. Звягинцев ушёл.

– Вам это интересно? – спросил Саша.
– Это нужно для картинной галереи, – ответил Рылов. – Я понял, что кроме меня заниматься ею никто не будет.

– Художник должен писать. Вы согласны? – сказал Саша.
– Да.

Саша нахлобучил на себя шапку. Глаза пропали за космами шерсти, и он снова стал похож на абрека.

– Заходи, мы всегда тебе рады, – сказал вдогонку Рылов.

В декабре Рылов получил повестку из прокуратуры. Думал, что Дуся скажет: «Я тебе говорила». Но она ничего такого не сказала. Кто же знал, что дело дойдёт до

прокуратуры? Даже Дуся такого не знала. В старой чёрной куртке и ондатровой шапке Рылов не был похож на барина. Только жёлтая палка бросалась в глаза.

- Надень шарф, на улице ветер, – сказала Дуся.
- Хорошо.
- Это он написал в прокуратуру? – спросила Дуся.
- Конечно.
- Что ему нужно?
- Этого я не знаю.
- Я пойду с тобой.
- Не выдумывай.

Особняк, в котором размещалась городская прокуратура, был похож на маленький дворец. По бокам фасад особняка заканчивался полукруглыми башнями с остроконечными крышами. На шпилях крыш когда-то были флюгера. Теперь на одном из них висел государственный флаг. Дежурный взял повестку, рассмотрел паспорт, вложил повестку в паспорт и, возвращая, кивнул головой вдоль коридора. Рылов нашёл комнату, на двери которой стояла цифра шесть. Шестёрка. Да ладно, чёрт с ней. Постучал и вошёл. За столом у окна сидел молодой человек. Рылов прошёл к столу и протянул повестку.

– Пётр Андреевич... – молодой человек сделал паузу, – вы в курсе, зачем мы вас вызвали?

- Нет, – сказал Рылов и демонстративно отвернулся к окну.
- И даже не догадываетесь? – спросил молодой человек.
- Я не гадалка.
- Меня зовут Моршин Сергей Николаевич.
- Это я знаю из повестки.

Сергей Николаевич посмотрел на повестку и улыбнулся.

– Мы сделаем так: я ни о чём не буду вас спрашивать. Я только расскажу вам, как я понимаю ситуацию, а вы мне скажите, правильно я её понимаю или нет. Итак, вы пришли в новый коллектив руководителем. Коллективу это почему-то не понравилось, и они решили от вас избавиться. Так?

– Во-первых, я ещё не пришёл. Я только исполняю обязанности. Во-вторых, вряд ли можно говорить о коллективе.

- Тогда скажите прямо, что вы не поделили с Згурским?
- Наверно, должность. Наверно он хотел быть директором.
- А вы перешли дорогу?
- Ничего я не переходил. Просто он ждал, что его будут уговаривать.
- А вы знаете, в чём он вас обвиняет?
- Нет.

– Он пишет, что с вашим приходом из фондов музея исчезло несколько ценных экспонатов.

- Пусть поищет их у себя.
- Значит, вы подтверждаете, что экспонаты исчезли?

– Я не знаю, были ли они вообще, потому что я лишь исполняю обязанности, и никакой инвентаризации не было. Суть моего назначения в другом, я хочу передать музею свою коллекцию картин. Нужно подготовить помещение, которое находится на территории музея. Этим я и намерен заниматься. Кстати, это не моя идея.

– А чья?

– Мэра, Олега Владимировича. На второй квартал будущего года намечен капитальный ремонт бывшего картохранилища. В нём и разместятся картины. Пусть Згурский занимается своими раскопками, а не клеветой.

- Можно посмотреть на вашу коллекцию картин?
- Вы хотите придти с обыском?
- Просто я когда-то неплохо рисовал. Даже занимался в изокружке.

– Что вы говорите! А вот Яблонская утверждает, что она никогда хорошо не рисовала.

Сергей Николаевич не знал, кто такая Яблонская. Он посмотрел на наручные часы, написал время в повестке и расписался. Повестку протянул Рылову.

– Так когда к вам можно зайти?

– С обыском?

– У вас телефон есть?

– Нет.

– Жаль. До свидания.

Рылов вышел на улицу в бешеной растерянности. Он готов был броситься выяснять, спорить, доказывать. Но кому? Мэру, Згурскому, Дусе? Нет. Рылов пошёл к Журавлёвой. Постучался. Вошёл. Журавлёва писала. На секунду подняла глаза, сказала: «Здравствуйте». Рылов сел. Журавлёва писала. Он молчал. Она писала.

– Что вы всё пишете? – сказал Рылов.

– У меня много дел, – не отрываясь от бумаги, сказала она.

– На кой чёрт вам эти дела?

– Я вас не понимаю.

– Вы ещё молодая женщина.

– Это комплимент?

– Какой к чёрту комплимент. Мне не до комплиментов.

– Что вы расчертыхались? Что-то случилось?

– Да.

– Это меня касается?

– Думаю, что нет.

Журавлёва сложила на столе руки и подняла голову.

– Так зачем же вы пришли?

– Не знаю.

– Станный вы человек. Кажется, добились всего, чего хотели. Что вам ещё надо?

– Вы давно знаете Згурского?

– Давно. Он хороший учёный. Я не могу представить наш музей без него.

– Тогда объясните мне, почему Олег Владимирович не захотел, чтобы он стал директором музея?

– Потому что у Згурского сложный характер.

– Вы тоже так считаете?

– Как?

– Что у Згурского сложный характер?

– Для меня это не имеет значения. Я умею ладить с людьми.

– А Олег Владимирович не умеет?

– Я его решения не обсуждаю. Назначил вас – ради бога. Вы оторвали меня от дела.

– Вы даже не нашли время посмотреть коллекцию.

– В чём вы меня обвиняете? Вы думаете, что ваша коллекция – это всё, чем должен заниматься отдел культуры?

– Где вы работали до культуры?

– Какая вам разница?

– Всё-таки?

– Я была вторым секретарём горкома комсомола.

– У-у, – прогудел Рылов.

– Что у-у?

– Нет, ничего. Вы знаете, что ваш Згурский – подлец?

– Выбирайте слова.

– Я всегда выбираю слова.

Рылов вышел с чувством, как будто он сделал дело: вынес мусор или закрыл форточку. Сделал. Сделал и успокоился. Потом он решил, что надо пойти домой. Дуся ждёт, волнуется. Нет, дома её не оказалось. Наверно, у Натальи Ароновны. Рылов подумал и никуда больше не пошёл. В окно был виден ёлочный базар. Без снега на мокром грязном асфальте верхушки спиленных сосен выглядели странно. Надо было напрячь воображение, чтобы связать это зрелище с приближением Нового года. Самые лучшие Новые годы были в Магадане после знакомства с Дусей. Почему-то с тех пор запомнилась совсем не новогодняя песня, которую они слушали в доме у Леонида Марковича в новогодний вечер: «Летят перелётные птицы». «...Не нужен нам берег турецкий, Болгария нам не нужна...». В Магадане отказаться от Болгарии было круто. Рылов вдруг подумал, что наступающий Новый год они будут встречать в Алексеевске в этой квартире. Огляделся. Конечно, надо купить маленькую сосновую верхушку. Хорошо бы с несколькими шишками, чтобы пахла. Обычно говорят, что ставят ёлку для детей. Врут. Это же как надо опуститься, чтобы Новый год был без ёлки. Пришла Дуся.

– Дуся, где мы с тобой поставим ёлку?

– Ты меня напугал.

– Не ждала, что я вернусь? Может, уже и сухари засушила?

– Я так переживала, что не могла сидеть дома одна и думать об этом. У мыслей нет никаких разумных границ.

– От большинства мыслей и пользы никакой. Давай лучше подумаем, где поставить ёлку.

– Здесь её можно только повесить к потолку, как люстру. Что тебе сказали в прокуратуре?

– К нам могут придти с обыском. Ёлка вместо люстры, я думаю, произведёт впечатление.

– Что ты такое говоришь?

– Я тебе открою один секрет: для местных мы с тобой заезжие аферисты. Ездим по городам и воруем книги, картины и всё, что придётся. Из музея уже исчезло несколько экспонатов и понятно, кто их взял.

– Я сама пойду к мэру, – сказала Дуся.

– Что же ты с первого дня не водила меня за руку?

– Не паясничай.

– Дуся, мне не хочется жить.

– Вот уж сразу? Петя, так нельзя.

– Мне кажется, ты терпишь меня, а это невыносимо.

– Хорошо, пусть я буду виновата, только успокойся.

– Ты не виновата, это я виноват перед тобой. Если бы не я, у тебя был бы свой дом, дача, как у Шаповаловых. Может, и дети были.

– Причём тут одно к другому? Перестань, Петя, не по-мужски.

– Вот, вот. Из нас двоих скорее ты мужчина, чем я. Думаешь, мне это приятно?

– Думаешь, мне приятно быть женщиной? Ты хочешь моих слёз? Хочешь, чтобы я сейчас разревелась?

– Боже упаси.

– Поздно.

Дуся скривилась, сразу превратившись в старую еврейку, закрыла глаза. Из-под век выбежали два ручейка. Одни капли устремлялись вниз, другие растекались по ресницам.

На следующий день Рылов узнал, что ограбили мастерскую по ремонту часов. Утром он шёл, как обычно, по противоположной стороне улицы и увидел, что возле мастерской стоит милицмейская машина. Несколько человек что-то обсуждали, останавливались любопытные. Одним словом, явно что-то произошло. И уже на работе Рылову сказали, что в мастерскую ворвались грабители. Звучало ужасно, даже

неправдоподобно. Такое бывает только в кино. В каком-нибудь западном кино. Чаще французском или итальянском. В Алексеевске – грабители. Не мог же мир перевернуться. Хотя, когда живёшь долго или, тем более, очень долго, случается, что мир переворачивается. За день Рылов слышал несколько версий случившегося. Ему не терпелось оказаться дома и рассказать Дусе. Придя домой, он решил, что расскажет за столом, чтобы не получилось наспех. Но не успел раздеться, как Дуся сама сказала ему о нападении на Абрамова.

– Кто тебе рассказал? – удивился Рылов.

– Весь город говорит. Как ты думаешь, это правда, что его пытали? – спросила Дуся, взявшись за щеку, словно от зубной боли.

– Ну, что ты. Конечно, враньё. Может, ударили пару раз.

– Ты его не видел?

– Сегодня – нет.

– Так откуда ты знаешь, что враньё, почему ты так уверен?

– Сама подумай – это же не Чикаго.

– Господи, изверги везде бывают.

– Нет, Дуся, не преувеличивай.

– А я слышала, что пытали.

– Зачем?

– Что-то искали. Говорят, у какой-то вдовы выманил награды мужа. А ведь он был у нас, – сказала Дуся, округлив глаза.

– Ну и что?

– Мне страшно.

– Дуся, нас это не касается.

– Ты так думаешь?

– Уверен.

– Давай уедем на Новый год к Шаповаловым. Петя, давай уедем совсем.

– Куда?

– Сначала к Шаповаловым, а потом решим.

Рылов молчал. Он сделал укол, выпил стакан воды и сидел в кресле, похожий на Меньшикова в ссылке. Дуся присела на подлокотник, обняла мужа за шею.

– Как ты думаешь, нам не повезло? – спросил Рылов. Она прижалась к его голове. – Если не повезло – всё это чепуха. Можно попробовать в другом месте.

– Сходи к мэру.

– Если не повезло, можно попробовать в другом городе. Не всегда же мэры бывают завгарами, не везде же коммунальный фонд загружен на сто двадцать процентов, и в отделе культуры не обязательно должны работать одни бывшие комсомольские работники. Из Алексеевска уехали евреи.

– Ты опять о евреях.

– Помнишь Зорина? Он ведь стопроцентный еврей. Я ни от кого не слышал столько анекдотов про евреев, как от него. Неужели он, в самом деле, стеснялся, что он еврей? Что же это у нас за страна такая! Почему у нас стыдно быть воспитанным и образованным? Почему у нас уважают не за скромность, а за хамство? Почему мэр не стесняется своего невежества, почему завгаром быть прилично, а на какого-нибудь скрипача тычут пальцем?

– Не надо мне задавать этих вопросов.

– Давай уедем в Израиль.

– С картинами нас не выпустят.

– Идиотизм. Здесь они никому не нужны, а уехать с ними нельзя.

– Сходи к мэру – пусть он поставит этого Згурского на место.

– Какая теперь разница – ты же собралась уезжать к Шаповаловым. В городе скажут: «удрали аферисты».

- В Барнауле уже лежит снег. А ты помнишь, какой там воздух в горах.
- На даче придётся каждый день топить печь.
- И чистить от снега дорожки.
- Помнишь, у них слева от камина висит наша картина.
- Давай пошлём этот Алексеевск к чёртовой матери.
- Ты обещал, что это последний наш город.
- Зачем же ты писала Шаповаловым?
- А вдруг тебя захотят здесь посадить?
- Не мели ерунду, – Рылов дёрнулся, как от ожога.
- Сходи к мэру, я тебя прошу.
- Во вторник аппаратное совещание – мы и так увидимся.

Собрались в малом зале. На Журавлёвой была узкая чёрная юбка и белая блузка с пышным жабо. Она постаралась не встретиться с Рыловым взглядами. Он сел подальше. Вошёл мэр. Хмурый. Сразу закурил. Издали Рылов не видел его глаз, но ему показалось, что они красные. Мэр с подчинёнными разговаривал грубо. Матерился, не обращая внимания на женщин. Начальница финотдела тоже не стеснялась. Всё в городе плохо. К зиме ничего не готово, никому ничего не надо. Пётр Андреевич думал, что он сидит незамеченный, но, когда стали расходиться, мэр сказал:

– Пётр Андреевич, останься.

Рылов подошёл. Вокруг ещё ходили, над мэром склонился управляющий делами, чей-то бухгалтер ждала подписи.

– Пётр Андреевич, что случилось?

Рылов молчал, как провинившийся школьник.

– Я спрашиваю, что за хуйня? – мэр поднял голову.

– В каком смысле? – спросил Рылов.

– Что за хуйня у вас там, в музее? Я для чего назначил тебя директором, чтобы из музея пропадали экспонаты?

– Это враньё, – чуть не поперхнувшись от сухости во рту, сказал Рылов.

– Не знаю, – сказал Олег Владимирович. Он ещё раз посмотрел на Рылова. Глаза действительно были красные, как от простуды или водки. – Почему ты не пришёл ко мне и не сказал, что у вас с Згурским конфликт?

– Да, вроде, не было никакого конфликта, – пожал плечами Рылов.

– Ты в прокуратуре был? – спросил Олег Владимирович.

Управляющий делами уставился на Рылова, и бухгалтер, ждавшая подпись, тоже, и те, кто не успел выйти из зала, оглянулись.

– Был.

– Ну, и что?

– Ничего. Я им всё объяснил.

– Что?

– Всё враньё. Вы должны были меня предупредить.

– О чём? Что нельзя воровать?

Пётр Андреевич наклонил голову, как бык. Из горла сначала выдавился хрип и только потом он смог произнести:

– Что Згурский подлец.

– Ладно. Придётся с ним ко мне.

Мэр читал платёжку. Рылов постоял с минуту и, догадавшись, что разговор закончен, ушёл. Ужасно хотелось пить. Руки тряслись так, что он с трудом оделся. Хотел идти в музей, но понял, что болен, что может свалиться посреди улицы. Дуся застала его дома на тахте. Он тяжело дышал с хриплым присвистом.

– Петя!

Она побежала к Наталье Ароновне и вызвала скорую. Сделали укол. Пётр Андреевич уснул. Дуся и Наталья Ароновна пили на кухне чай.

В конце января настали холода, но снега было мало. Его утоптали. К подъезду подъехала машина с двумя железнодорожными контейнерами. Вокруг неё началась возня. Мужики выносили из дома связки книг, картин, коробки и укладывали в контейнеры. Рылов в старых обвисших штанах, в старой куртке, подхватывая трость под мышку, пытался помочь рабочим. Он был без шапки. Седые длинные волосы раздувал морозный ветер.

– Простудится, старый чёрт, – выглядывая в кухонное окно, сказала Дуся. Она с Натальей Ароновной упаковывала в коробку что-то из посуды.

Рылов был похож на старца, спасавшего от пожара имущество храма. Он поднялся в квартиру. Щёки красные. За окном срывался мелкий снежок.

– Вот видите, Наталья Ароновна, мы уезжаем раньше.

– В Израиле сейчас холодно. Я подожду весны.

– Там ваша кошка на лестничной площадке.

– Вот, гадина, выскочила.

Наталья Ароновна заторопилась спасти кошку.

– Никуда она не уедет, – сказала Дуся. – Скорее умрёт.

– Почему?

– Это мы с тобой перелётные птицы.

– Не порвите холст, я вас умоляю.

– Не волнуйся, папаша.

– Как ты думаешь, поместится всё в два контейнера? – спросил Рылов.

– Всегда помещалось, – ответила Дуся.

– У нас стало на три картины больше, – сказал Рылов.

– Никто из художников не пришёл, – сказала Дуся.

– Бог с ними.

– Папаша, иди посмотри, в третий ряд ставить?

Рылов направился вниз. Мимо машины шёл прохожий.

– Что грузим? – спросил он.

Худой грузчик, убегая в подъезд, крикнул:

– Хлам.